

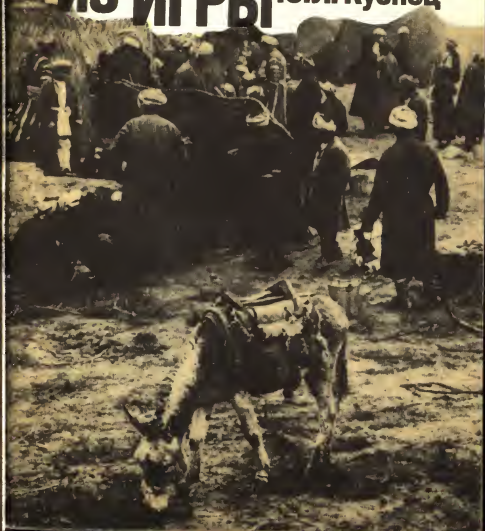

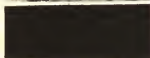
«МАРОДЕРЫ»

ВЫХОДЯТ

ИЗ ИГРЫ

Ю.Л. Кузнец

Ю.Л. Кузнец

«МАРОДЕРЫ» ВЫХОДЯТ ИЗ ИГРЫ

Документальная повесть

Москва
ИНТЕРПРАКС
1992

«Мародеры» выходят из игры — повесть об агенте советской разведки, работавшем в Афганистане в годы Второй мировой войны. Протоколы допросов, другие материалы разведки составляют основу повести, которая рассказывает о неизвестных и увлекательных эпизодах тайной истории минувшей войны, затрагивает вопросы современного Афганистана, в котором автор проработал несколько лет.

Предназначена для широкого круга читателей.

Никогда не думал, что напишу повесть о борьбе разведок в Афганистане в 1941 – 45 годах. С современным Афганистаном связано такое множество острых и нерешенных проблем, что впору ли думать о том далеком времени. Тем более, что важнейшие из них, прежде всего – проблемы национального примирения – до сих пор не решены и братоубийственная война продолжается.

Но все, что происходит в Афганистане сегодня, имеет свою историю, которая мало известна советскому читателю. Честно говоря, она была недостаточно известна и нам – гражданским и военным советникам, работавшим после апрельской революции 1978 года в Афганистане. Я не говорю о тех немногих, которые занимались Афганистаном всегда. Но, думаю, коллеги, работавшие в этой стране в восьмидесятых годах, не станут отрицать того, что мы больше руководствовались «линией», чем реальностями обстановки и знанием ее специфики.

Вот почему для уяснения происходящего пришлось выйти за рамки того, что видел и пережил. Хотелось понять, откуда же пошло, где и когда родилось стремление к обновлению и прогрессу страны и фанатическое сопротивление тому и другому. Где корни афганской трагедии, ее истоки.

Таким образом я и соприкоснулся с периодом 1941 – 45 годов, когда Афганистан был неким «островом мира» на планете, захлестнутой кровавым штормом второй мировой войны. Выяснилось, что и здесь шла борьба, исход которой мог бы в корне изменить последующее течение событий. «Ненаписанная история» этой борьбы отражалась в документах нашей разведки, сосредоточивалась в архиве КГБ, куда я и обратился, не очень надеясь на успех. Помогла перестройка. Меня приняли, поняли, помогли. Так и создавалась эта документальная повесть. Ее основой являются пять

объёмистых томов документов, объединённых в архивное дело под общим названием «Мародеры». Это – документы борьбы советской разведки в Афганистане в 1941 – 45 годах против разведок Германии, Италии и Японии. Союз этих стран называли в то время «осью» Берлин – Рим – Токио. Основное содержание деятельности нашей разведки в этой стране и, соответственно, отражающих ее документов связано с предотвращением попыток гитлеровской резидентуры и союзных ей придать афганскому нейтралитету максимально благоприятный «III рейху» характер. Речь шла о том, чтобы под прикрытием нейтралитета использовать Афганистан как базу для агрессии против СССР и Индии. В этом был замысел Берлина, Рима и Токио. Поэтому Москва уделила особое внимание противодействию этому замыслу на месте. «Мародерами» же называли агентуру стран оси в Афганистане, видимо, потому, что она как бы пыталась поживиться и паразитировать в своей деятельности на временных военных успехах этих стран далеко за пределами Афганистана и оказалась бессильной, когда столкнулась с превосходящей силой.

Все, что написано в этой работе, было на самом деле. Сохранены подлинные имена и псевдонимы. Диалоги излагаются в соответствии с тем, как они зафиксированы в архивных материалах. Даты, события, факты и обстоятельства подтверждены документально и публикуются впервые.

– Ну и что? – может быть, спросит читатель. – Какое это имеет значение? Разве, если бы немцы победили в Афганистане, мы проиграли бы Великую Отечественную войну?

Конечно, нет. Это лишь малый эпизод великой войны. Как целось в одной из военных песен: «...эпская высота, малый бугорок...». Но и малые высоты стоили большой крови и играли немалую роль в истории.

У всех нас на памяти война в Афганистане в 1979 – 89 годах, действия нашего ограниченного воинского контингента, подвиги, потери, увечья, пленения, испытания и душевные травмы целого поколения, выполнявшего свой интернациональный долг силами почти полумиллиона молодых парней, прошедших че-

рез этот ограниченный контингент более чем за девять лет афганской войны...

Думается, если бы возникла реальная угроза афганскому нейтралитету в 1941 – 45 годах и неизбежность «перетягивания» Афганистана на сторону стран оси, то СССР не допустил бы этого. Последствия нетрудно представить в те годы, когда мы истекали кровью на западном фронте. Мы все равно победили бы Гитлера и фашизм. Но цена победы была бы неизмеримо выше, тяжелее и горше. Поэтому стоило и было необходимо в самом начале пресечь происки гитлеровской агентуры в Афганистане. Это было важно и нужно для Победы. Вот почему автор, вслед за своими героями, отправился в Кабул периода 1941 – 45 годов. «Мародеры» уже собрались здесь в своем полном составе. Они вступили в игру...

В БЕРЛИНЕ, МОСКВЕ, КАБУЛЕ

В Берлине 25 февраля 1941 года начальник Генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике: на совещании у главкома в числе других планируемых операций обсуждалась «операция против Афганистана». Собственно, только эти три последних слова и составляли запись, касающуюся Афганистана. Ни оценки, ни комментариев не было, как, впрочем, и во всех остальных случаях. Дневник был сугубо служебным. Он предназначался не историкам и не потомкам – он нужен был самому автору для записи обсуждавшихся вопросов и принятых решений. Так что мы не знаем, какие чувства владела Гальдером, когда он услышал о принятом Гитлером решении – открыть новый фронт на Среднем Востоке, чтобы, пройдя Афганистан и перевалив Гиндукуш, ворваться в Индию. Имелось в виду, что,

завоевав Индию и соединившись на восточных ее границах с наступавшими японскими войсками, Германия станет гегемоном мира. Вряд ли Гальдер имел что-либо против такой перспективы. Но, независимо от эмоций, директиву следовало выполнять. Этого нельзя было сделать, не овладев подступами к Индии. И, в частности, не создав надежных и прочных позиций в Афганистане. Его просто нельзя было миновать. Это понимали и в Берлине, и в Москве, и в Кабуле. В Берлине форсировали создание таких позиций, используя все возможные каналы – дипломатические, экономические, разведывательные; этим последним придавали все большее значение.

В Москве... В Москве ощущали известную двойственность. С одной стороны, нарастание германской активности как в Иране, так и в Афганистане было очевидным, доступным даже неискушенному глазу, вызывало озабоченность и требовало каких-то мер. С другой стороны, – после августа и, особенно, октября 1939 года, когда был заключен печально известный Договор о

Первая железная дорога в Афганистане протяженностью в 6 км.
Кабул, 20-е годы.

дружбе и границе между СССР и гитлеровской Германией, — считалось, что такая активность связана только с войной Германии против Англии и не затрагивает непосредственно государственные интересы СССР. Конечно, советское посольство в Кабуле продолжало следить за тем, чтобы традиционно дружественные отношения между СССР и Афганистаном сохранялись, его нейтральный статус не изменялся, и активность стран оси Берлин — Рим — Токио не нарушала установившегося баланса сил и интересов в Афганистане. Но наша собственная активность и решимость противодействовать этим странам была пониженной именно в силу такой двойственности. К тому же советская внешняя разведка понесла чувствительные потери в ходе репрессий 1937 — 38 годов и в момент, когда Гальдер записал фразу об операции против Афганистана, еще не полностью восстановила силы. Опытные кадры и столь необходимое время были потеряны. Вот почему лишь в декабре 1941 года, когда всюду гремела битва под Москвой, а маховик осуществления директивы по Среднему Востоку и Индии стремительно набирал обороты, в Москве было принято решение: приступить к активному противодействию спецслужбам Германии, Италии и Японии в Афганистане с целью блокировать их и сохранить нейтралитет этой страны в условиях глобальной войны, приближавшейся с запада и востока к ее границам.

Другая задача состояла в том, чтобы парализовать деятельность Германии и Японии, направленную на дестабилизацию обстановки в Индии. В случае успеха такая деятельность могла бы привести к самым тяжелым последствиям не только для Англии, но и для антигитлеровской коалиции в целом. Напомним, что после декабря 1941 года Япония за считанные недели овладела инициативой на всем дальневосточном театре военных действий. Путь на Бирму был открыт и вскоре она пала, а вместе с ней и все восточное предполье Индии. Японские войска выходили к индийской границе. Западным предпольем Индии был Афганистан. Борьба за него началась, и в ходе ее решалась не только судьба самого Афганистана. Ведь если бы он стал на сторону Германии, даже и оставаясь формально нейтральным,

положение Индии неминуемо и серьезно осложнилось бы, а, учитывая давний антианглийский потенциал весьма широких слоев общественности, усиливасмый военными успехами стран оси, можно было бы предположить и худшее – выпадение Индии из борьбы против стран оси со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему Москва придавала большое значение тому, что происходило в это время в Афганистане.

В Кабуле... Сентябрьским днем 1941 года в условленном месте молодой индус ожидал встречи с резидентом советской разведки. Встреча на этот раз состоялась, хотя ранее, из-за активности афганской полиции, ее организовать не удалось. Беседа продолжалась на конспиративной квартире, расстались уже утром, условились о следующей встрече. Они встречались еще три года. Советского разведчика звали «Заман». Индуса – Бхагат Рам Гудассмаль. Как водится, гость начал с подробного рассказа о себе.

РАССКАЗ БХАГАТА РАМА

– Я родился в состоятельной индийской семье. У отца было 200 акров земли и хорошее место в английской колониальной администрации – он был правительственным чиновником и бизнесменом. Но мы, его дети, жили другим. Как и многие молодые индусы, выросшие после Октября 1917 года, мы жили мечтой о свободной Индии. И мы рано примкнули к тем, кто боролся за это. В 1924 году я стал членом Индийского национального конгресса, вернее левого, наиболее решительного и революционного его крыла. Но Конгресс слишком пассивно и вяло боролся с английскими колонизаторами, искал компромиссов, когда нужно было сражаться. Недовольство и разочарование всем этим привело меня в 1938 году в левую партию «Кирти Киссан», называвшую себя также «коммунистической партией

Лагора». И в это же время мой старший брат, Камхари Кишан, который, как и я, стремился в открытый бой с колонизаторами – англичанами, убил генерал-губернатора Пенджаба. И был повешен. Два других моих брата – Джамна Расс и Исхер Расс – такие же, как и я, убежденные революционеры, были арестованы. Я понял, что мой выбор сделан. Я предан революции в Индии, ее освобождению и Советскому Союзу. Я знаю, что свобода Индии зависит от вашей победы, что гитлеровская Германия и ее союзники – это ваши и наши враги, знаю, как вам тяжело сейчас. Хочу помочь вам делом. Моя партия поручила мне войти в контакт с советским посольством в Кабуле и предложить вам сотрудничество мое и партии. Мы располагаем известным влиянием и имеем сторонников здесь, в Афганистане, особенно в зоне свободных племен и в Северо-западной пограничной провинции Индии. Всем этим вы можете располагать во имя вашей победы и нашей свободы...

Предложение было принято после соответствующей проверки. Так Бхагат Рам стал «Ромом».

Ранним утром на машине с зашторенными стеклами Бхагат Рам покинул место конспиративной встречи. Он вышел в безопасном квартале, осмотрелся, убедился, что слежки нет, направился к своему другу Ультаму Чангу. Человек, носивший это имя, был мелким торговцем, держал магазинчик с товарами английской патефонной фирмы "His Master's Voice" и жил там же, при магазине, с женой и четырьмя детьми. Он давно был знаком с Бхагатом Рамом и ждал его. Они знали друг друга по совместной антианглийской борьбе. Их биографии, судьбы и позиции были схожи. Рам рассказал товарищу о встрече с советским резидентом, о договоренности помогать делом Советскому Союзу. «Я рассчитываю на тебя, Ультам Чанг», – сказал Рам. – «И на твою помощь!» Крепкое рукопожатие и молчаливый кивок были ответом.

Друзья обсудили детали предстоящей совместной работы, задания, полученные от своей партии, и вопросы, поставленные перед ними советским резидентом. Рам отдохнул немного. Темнело.

... Рам вышел в город, и через некоторое время уже стоял у дверей массивного здания, украшенного свастикой. На сверкающей медной доске у парадных дверей было выгравировано: «Германское Посольство». Его знали и ждали. Дверь бесшумно открылась и закрылась за Рамом.

В ГОСТЯХ У ПИЛЬГЕРА И РАСМУСА

Его действительно знали здесь, в германском посольстве, на 7 месяцев дольше, чем в советском. Сюда привели его два обстоятельства. Прежде всего — ненависть к англичанам и стремление найти какую-то поддержку извне для борьбы за свое дело. И еще — та трагическая обстановка, в которой оказались многие революционеры после советско-германских договоров от августа и октября 1939 года. Германия и СССР оказались партнерами. А после октября — еще и друзьями. Ведь издаром октябрьский договор назывался «О границе и дружбе»! Коминтерн дал установку всем своим сторонникам: войну развязал не фашизм, а англо-французский империализм. Фронт надо развернуть именно против этого врага. Для таких, как Бхагат Рам и Ультам Чанг, подобная установка не была парадоксальной: ведь не Германия, в конце концов, сделала Индию своей колонией. Не с Германией они боролись за освобождение Индии. Не немцы арестовывали и казнили их родных и близких. Антианглийский потенциал накапливался поколениями. А послушание установкам Коминтерна у многих индийских коммунистов и их сторонников превратилось в убеждение и готовность их выполнять. Два индийских революционера смотрели на германское посольство в Кабуле как на дружественное по отношению к СССР и к ним — борцам с английскими колонизаторами. И в феврале 1941 года один из них направился за содействием именно туда.

Это и был Бхагат Рам. Он рассказывал впоследствии: «Я, конечно, предпочел бы пойти в советское посольство. Но афганская полиция держала его под усиленным контролем. Следили за всеми, кто входил и выходил. А за германским посольством следили чисто формально. Посетителями не интересовались. Я и пошел туда, думая, что потом, при первой возможности, свяжусь с советскими друзьями. У меня было тогда срочное и неотложное партийное поручение. Там я познакомился с германским послом Пильгером, резидентом абвера Расмусом, его сотрудниками Витцелем и Вилертом. Мы начали с поручения, о котором я упомянул»...

«МАЦОТТА» ПОЛУЧАЕТ СОВЕТСКУЮ ВИЗУ

Поручение было действительно сложным. Нужно было переправить в Германию Субхаса Чандру Боса, которого по всей Индии искали английские спецслужбы, колониальная администрация и местная полиция. Бос был давним, убежденным, непримиримым противником Англии, быть может и наиболее опасным в то время.

В отличие от Индийского национального конгресса, Бос и его сторонники сделали основную ставку на вооруженную борьбу и открытое сотрудничество с врагами Англии — Германией, Италией и Японией. Бос мечтал о свободе для Индии через военное поражение Британии, которого он, конечно, не мог добиться сам, и потому связывал действия своих вооруженных отрядов и групп с наступлением Германии на Индию с запада, а Японии — с востока. Всемерно ускорить такое наступление и наилучшим образом подкрепить его изнутри подрывной антианглийской деятельностью в самой Индии, которой, по возможности, придать характер широкого антианглийского восстания, — в этом видел он свою задачу.

А впрочем, далеко не все в Индии называли бы в то время такую его деятельность «подрывной». Как таковой, фашизм не пользовался в Индии популярностью, а присущие ему расизм и насилие повсеместно осуждались. Но то, что страны оси наносили чувствительные удары по несправедливой метрополии, вызывало подчас удовлетворение у многих индийцев, особенно на фоне демонстративного неприятия Англией права Индии на самоопределение. Касаясь этого периода, Джавахарлал Неру писал: «Как сможем мы примирить два основных направления нашей политики — оппозицию английскому империализму и оппозицию фашизму и нацизму? Как мы сумеем согласовать наш национализм с нашим интернационализмом? Это был трудный вопрос при существующих обстоятельствах, трудный для нас, однако он не представил бы никаких трудностей, если бы английское правительство предприняло шаги, показывающие нам, что оно отказалось от своей империалистической политики в Индии и намерено полагаться на добрую волю народа».

Но этого не произошло. И общественное мнение Индии отреагировало соответственно. Характеризуя психологическую атмосферу, сложившуюся в стране в то время, особенно же — в первые годы войны, Д. Неру писал: «Не патриотический порыв к действию двигал людьми, а лишь желание оградить себя от вторжения и еще худшей участи».

Так что, хотя С. Бос и не располагал в Индии массовой поддержкой, но мог использовать в своих целях настроение преобладающего большинства. Неру так характеризовал это настроение: «Нам казалось нелепым и невозможным встать на защиту того самого империализма, против которого мы вели столь длительную борьбу».¹

Конечно, главную свою ставку Бос делал на военное поражение Англии. В условиях, когда гитлеровская Германия уже воевала с ней, а Япония еще оставалась нейтральной, интересы Боса связывались с Берлином. Когда же Япония оккупировала Бирму и вышла на границу с Индией, Бос перенес свою деятельность на Дальний Восток.

Весной 1941 года его пути пересеклись с Бхагатом Рамом. Бос решил перебраться из Индии в Берлин и потому, что в Индии уже шли аресты его родственников и сторонников, а сам Бос находился в розыске, и потому, что ему нужна была поддержка Гитлера, в том числе и материальная. Поскольку порты были под плотным контролем полиции и выезд морским путем стал слишком рискованным, Бос избрал наземный путь, и в феврале оказался в Кабуле. Его сопровождал Бхагат Рам, который не был членом босовской организации, не сочувствовал странам оси, но от своей партии «Кирти Киссан» был назначен сопровождающим, поскольку хорошо знал зону свободных пуштунских племен, которую надлежало пересечь, и сам Афганистан, в частности – торговый люд Кабула. Имело значение и то, что в Кабуле у него была квартира – то самое помещение, которое занимал при своем магазине Ультам Чанг. Предполагалось, что Рам оказывает услугу Босу исключительно ввиду общей цели – максимально ослабить позиции Англии и Индии.

С задачей Рам справился. Бос обосновался в Кабуле и начал готовить следующий этап путешествия – ведь попасть в Германию в условиях начавшейся войны можно было только через территорию СССР, а для этого нужны были документы, в частности паспорт, которого у него не было. Германское посольство обратилось в итальянское. Там, как всегда, просьбу союзника удовлетворили. Бос получил паспорт на имя итальянского подданного Мацотты. С этим паспортом Бос обратился в советское посольство за получением транзитной визы, пересек территорию СССР и объявился в Берлине.

Мацотта исчез. Но в германском посольстве обратили внимание на Бхагата Рама, которого Бос представил как влиятельного в Афганистане, в племенах и в самой Индии деятеля антианглийской ориентации. Это вызвало интерес и предложение о сотрудничестве с германской разведкой. Прошлое Рама, его окружение и настрой – все это удовлетворило германского резидента, озабоченного трудностями антианглийской работы в Индии, нехваткой агентуры и информации, а также конспиративных баз в Индии. Да и рекомендация Боса

веса не мало. А сам Рам рассуждал так: мис и моей партии важно иметь контакт с врагами наших врагов.

Предложение о сотрудничестве было принято. Из германского посольства Рам ушел со 100 000 индийских рупий в кармане, 12 револьверами и патронами к ним. Деньги и оружие предназначались для людей, которых Рам завербует в Индии. А с мая 1941 года, когда немцы закончили проверку Рама, какую смогли провести, он стал основным агентом немецкой военной разведки в Индии.

«РОМ» СТАНОВИТСЯ «РАХМАТ-ХАНОМ»

... Дверь посольства закрылась, и Рама провели в кабинет германского посла Пильгера. Здесь пахнул абвера Расмус. Оба были знакомы с Рамом с весны 1941 года, но интересовались им по-разному. Пильгеру было важно получать от Рама общеполитическую информацию по Индии и зоне свободных пуштунских племен. Такая зона существует и по сей день. Это – тысячи квадратных километров территории и миллионы человек. Зона охватывает часть территории Северо-Западного Пакистана, чем и определяется ее особый статус. Здесь, как и раньше, и так было всегда – неподвластные никому, кроме собственных авторитетов, пуштунские племена. В Пакистане их называют «патаны», и весь этот регион Пакистана, включая город и порт Карачи, заселен преимущественно ими. Высшая власть – вожди племен, старейшины, муллы. Верховный орган – «джирга» (буквально – круг). Потому, что именно усевшись в круг, члены семьи, клана, рода, племена решают все важные вопросы, соглашаясь или не соглашаясь, посредством голосования, с предложениями своих авторитетов. Союзы племен создаются на джирге вождей, старейшин, мулл, и там же обсуждаются вопросы отношений между ними. Поскольку централь-

ная власть в Афганистане традиционно находилась преимущественно – или в значительной части – именно в руках пуштунов, то наиболее важные вопросы общафганского значения выносятся на «Большую джиргу» (Лоя джирга). Доступ иностранцев в зону племен всегда затруднен в силу труднодоступного характера местности и своенравия населения. Информацию о том, что там происходит, германское посольство получало нерегулярно и в недостаточном объеме. Между тем, в Берлине знали, что именно пуштунские племена играли ведущую роль в борьбе против английских колонизаторов, развязавших, опираясь на индийский плацдарм, три войны против Афганистана и непрерывно оказывавших военно-политическое давление на него. Отсюда делался вывод: на плечах пуштунских племен ворваться в Индию, на гребне антианглийского восстания пройти ее и соединиться с японскими войсками на индийско-бирманской границе.

В том, что появление германских войск в Индии, даже и чисто символическое, непременно вызовет антианглийское восстание, в Берлине были твердо уверены. Именно этим легковесным расчетом определялась вся политика III рейха на Среднем Востоке, особенно, когда в 1942 году немецкие войска совершили глубокий прорыв к Кавказу и Каспию.

Но информации по Индии и зоне племен остро не хватало. Надежных и компетентных агентов было мало. Не было и связи – ни в Афганистане, ни в Индии германская разведка не располагала нелегальными радиостанциями, радистами-операторами, базами и конспиративными квартирами. Бхагат Раму верили и видели в нем именно того человека, который решит проблемы и окажет требуемое содействие. Вот почему его встретили как дорогого гостя. На всегда унылом, вытянутом лице Пильгера появилась улыбка. Он не был профессиональным разведчиком и, в силу своего характера и темперамента, старался держаться подальше от всего, что требует риска, предприимчивости и ответственности. Это в Кабуле знали все. Ближайший партнер Пильгера – итальянский посол в Кабуле Кварони в откровен-

ной беседе с советским дипломатом охарактеризовал Пильгера как «бездарную, бесхарактерную, беспомощную фигуру», лентяя, не освоившего за долгие годы работы персидского языка, к тому же труса.

Но официальные свои функции Пильгер стремился выполнять скрупулезно. Берлин все чаще запрашивал различные сведения об Индии и племенах, требовал проверить, уточнить, доложить, как идут дела с созданием германского подполья и подготовкой антианглийского восстания, и у Пильгера не было выбора — он мог располагать только Бхагат Рамом.

Радовался встрече с ним и резидент абвера Расмус. Он сравнительно недавно прибыл в Кабул именно для разработки этих вопросов, в Берлине дали самую высокую оценку первым результатам работы Рама и видели его ключевой фигурой в деятельности германской резидентуры на Индию и зону плсмен.

Здесь мы располагаем исключительно ценным свидетельством помощника торгового атташе германского посольства в Кабуле и одновременно шифровальщика резидентуры Цугенбюллера. Он появился здесь несколько позже начала описываемых событий, но его приезд и основное задание как сотрудника германской резидентуры были связаны именно с линией Бос — Ром. Последний фигурировал в переписке как Рахмат-хан. Цугенбюллер, уже после войны попав вместе с другими своими коллегами в Бутырскую тюрьму в Москве, рассказывал на допросах: «Германские разведывательные органы и правительство (!) считали, что основным в работе немецкой разведки в Афганистане является углубление работы с Босом и Рахмат-ханом». И далее: «Перед Рахмат-ханом ставилась задача освещения внутривнутриполитического положения Индии по материалам созданной Босом подпольной организации, сбор шпионских сведений о военных усилиях англичан в Индии и передача организации Боса указаний по ведению подрывной работы против англичан в Индии. Для этих целей Рахмат-хану нами давались крупные суммы денег и были переданы две радиостанции. Материалы, передаваемые нам Рахмат-ханом, получали очень высокую оценку в Берлине. Другой линии связи со сторо-

никами Боса в Индии у германского посольства в Кабуле не было».

В отличие от Пильгера Расмус понимал все трудности поставленной Берлином задачи. Он отдал Индии около 25 лет из своих 50, владел языком урду, и, работая под «крышей» помощника торгового атташе и представителя одной частной германской фирмы, делал, что мог, для укрепления позиций абвера на северо-западе Индии. Главное, что он понял за 25 лет жизни в Индии, — это то, что без внедрения в зону племен невозможно развивать здесь сколько-нибудь серьезную работу в пользу III рейха. Но подступиться к решению этой задачи в предвоенные годы так и не удалось. Сделаны были лишь первые шаги. Теперь надо было спешно готовить последующие.

Эта подготовка начиналась не с нуля. Германия обратила взоры на Афганистан еще в годы первой мировой войны. Уже в 1915 году туда прибыла миссия майора Нидермайера, которая, под предлогом развития торгово-промышленных связей, готовила позиции для работы с племенами, традиционно настроенными антианглийски. Уже тогда предполагалось вызвать их восстание по всему северо-западу Индии и тем сковать, отвлечь с турецкого фронта и Ближнего Востока англий-

ские войска. Яркую характеристику этой миссии дал В.М. Примаков, работавший в двадцатых годах в Кабуле.

Об этом человеке стоит рассказать особо. Виталий Маркович Примаков – видный военачальник периода гражданской войны в СССР, а впоследствии – в 20-е и 30-е годы – известный военный деятель. Он прославился отвагой и незаурядным воинским искусством в боях на Украине и в Средней Азии, был организатором и командующим Второй конной армии, о которой нашему читателю известно, к сожалению, немного, так как В.М. Примаков в 1936 году был расстрелян вместе с Тухачевским и группой советских военачальников, осужденных столь же несправедливо. В 1925 – 26 годах он был военным советником в Китае, в 1927 – 29 годах – советским военным атташе в Афганистане, затем в Японии, а в 1931 году стажировался в Германии в академии генштаба, назначался членом Военного совета наркомата обороны СССР, заместителем командующего Ленинградским военным округом.² В.М. Примаков писал: «Мировая война всколыхнула застойную жизнь Афганистана. Германо-турецкое командование, стремившееся ворваться в Индию и поразить Англию в ее «ахиллесову пятку», установило связи с сардарами Афганистана. Германская военная миссия майора Нидермайера через горы и пустыни Персии прорвалась в Афганистан. Правда, энергичная погоня русской казачьей конницы заставила Нидермайера бросить в Персии свой выучный транспорт с золотом, а отсутствие денег парализовало работу миссии, почему она не имела полного успеха, но все же в Афганистане началось брожение, и только грозное соседство России и Англии да продажность афганских сановников, аккуратно получавших английское содержание, помешали Афганистану активно примкнуть к пан-исламскому движению Востока».³

Теперь Нидермайер уже в чине полковника работал в германском генштабе над планом такого же рода, только более масштабным и нацеленным на взаимодействие с Японией. Ему вскоре предстояло стать генерал-майором, командиром так называемой тюркской дивизии, которую именно он должен будет готовить для

вторжения в Афганистан и Индию. И лишь в 1943 году германский генштаб откажется от таких планов. Откажется и Расмус – просто потому, что обстоятельства его жизни в Кабуле круто и внезапно изменятся. Но до последнего момента он будет, не покладая рук, трудиться над подготовкой антианглийского восстания в зоне племен и Индии. «Это – человек-автомат», – позднее говорил о нем итальянский посол в Кабуле своему советскому коллеге. – «Раз в Берлине считают, что в ближайшее время неизбежно такое восстание будет, то для него это – аксиома и он должен сй верить».⁴

А пока Расмус должен был работать с Бхагат Рамом. «Берлин очень доволен Вами, дорогой друг», – начал разговор Расмус. – «Ваша работа получила самые лестные отзывы. Сам фюрер знает о Вас...».

«ХОЗЯЙСТВО» ГЕРРА ПИЛЬГЕРА

Перед началом Великой Отечественной войны германская колония в Афганистане состояла из 88 сотрудников и специалистов и 118 члснов их семей. По сравнению с другими иностранными колониями, она являлась относительно многочисленной, но, конечно, по приведенным цифрам можно составить только очень поверхностное впечатление об активности III рейха в этой стране. Между тем, позиции были завосваны значительные, и это ощущалось на всех уровнях – от королевского двора и правительства, до многоцветных кабульских базаров.

Особую активность немецкая сторона развивает в канун второй мировой войны. В 1936 году Германия предоставляет Афганистану кредит в 27 миллионов марок на закупку промтоваров и оборудования. Товарооборот между двумя странами увеличился к началу войны в три раза по сравнению с 1937 годом. В 1938 году Афга-

нистану предоставляется беспроцентный кредит на закупку в Германии вооружения и боеприпасов. Около 100 немецких специалистов и экспертов действует в это время в промышленности, бапках, министерствах, ведомствах и вооруженных силах Афганистана.⁵

Уже перед самой войной, 3 августа 1939 года подписывается последнее торговое соглашение между Афганистаном и Германией. Оно закрепляло монопольное положение Германии на афганском рынке промышленного, особенно комплектного, оборудования и давало исключительные возможности командирования немецкого персонала на объекты. При участии Германии были построены мосты, текстильная фабрика в Пули-Хумри, гидростанция в Чаквардаке, Джабуль-Сарадже, Кандагаре, Герате, сахарный завод в Баглане, бойня и кислородный завод в Кабуле и другие объекты. Открылись представительства известных фирм — «Сименс-Шукерт», «Телефункен», «И.Г. Фарбениндустри», «Шенкер», «АЭГ», «Ундойч» и ряда других.

Среди немецких специалистов в Афганистане были люди, прекрасно знающие СССР, — такие, как, например, инженер Венгер, руководивший советнической группой в Министерстве общественных работ. Перед этим он пять лет работал в СССР, был на Свирьстрое, Волховстрое, Магнитке, Новосибирске, Алма-Ате, Батуми, Тбилиси, Махачкале и других стройках.

Ввиду резко возросшей активности немецкого технического персонала в северных пограничных с СССР районах Афганистана советское правительство было вынуждено сделать запрос афганскому правительству и получило заверения, что деятельность немцев не будет распространяться на территории, расположенные в 30 километрах от границы СССР. Тем не менее, подробный топографический план приграничных с СССР северных территорий Афганистана был составлен, и немцы могли использовать его при планировании и проведении акций, рассчитанных на деятельность в среднеазиатских республиках.

Об объеме германо-афганского экономического сотрудничества говорит и то, что к началу войны Афганистан был должен Германии не менее 125 млн. марок.

Но если цифры такого рода не были известны широкой публике, то все в Кабуле знали и видели, что немцы чувствуют себя привилегированно, находятся в наиболее благоприятном положении по сравнению с другими иностранцами.

Здесь нужно сказать, что после перипетий конца 20-х – начала 30-х годов, когда был изгнан благоволивший к иностранцам Аманулла-хан, низложен и убит неведущий и фанатичный Баче-Сакао, узурпировавший под именем Хабибуллы афганский трон, и убит после краткого царствования король Надир, афганское правительство стало резко и подозрительно относиться ко всем иностранцам. К англичанам – потому, что их военно-политическое давление продолжалось и ощущалось повседневно; к итальянцам – потому, что они благоволили к свергнутому Аманулле, поддерживали его, дали ему приют, а Аманулла не переставал стремиться к реставрации своей власти и, следовательно, к низложению нового короля – Захир-шаха, унаследовавшего трон после Надира; к советским – по идеологическим мотивам, а также из-за ликвидации бухарского и хивинского ханств, подавления басмачества и опасений, связанных с сосредоточением крупных войсковых группировок в Туркестанском военном округе; к немцам – потому, что их планы в отношении Индии могли создать конфликт с Англией, чреватый новой войной с ней, да и транзит вермахта через афганскую территорию не сулил ничего хорошего. Пожалуй, только японцы не вызывали тревоги у афганского двора и правительства. И, хотя отношения с СССР с самого начала двадцатых годов складывались и развивались успешно и были для Афганистана выгодными, а в народе к «шоурави»*, как называли наших людей, господствовало неподдельно дружеское отношение, все же, повторяем, «верхи» проявляли настороженность, и посольство СССР в Кабуле всегда находилось под неусыпным наблюдением афганской полиции, где, кстати, тоже работали инструкторами немцы. Ведь именно контроль за посетителями поменал Раму посетить его вес-

* От персидского слова «шоура» – совет.

ной 1941 года. Впрочем, полиция имела достаточно осведомителей и среди населения. В те годы иностранец не мог посетить дом пригласившего его афганца без того, чтобы кто-то из соседей не донес об этом тотчас в полицию. Немцы же – и только они – могли свободно посещать афганцев на дому, а афганцы – немцев, не опасаясь полиции и неминуемого ареста, который последовал бы после посещения советского гражданина. Германские подданные одни среди других иностранцев пользовались правом иметь оружие. «Создалось такое положение», – констатировалось в одной из информационных в Москву, – «что немцам было все позволено и немецкие специалисты вели себя в стране не как закон-трактованные служащие афганского правительства, а как хозяева в своей вотчине».

Кроме предоставленных властями привилегий, немцы широко пользовались в своих целях и еще одной, которую присвоили себе сами. Они широко, можно сказать, демонстративно тратили представительские и комиссионные суммы, специально отпускаемые Берлином на подкуп, привлечение сторонников и создание «имиджа процветающей Германии» в глазах простых афганцев. Для этого немцы просто сорили деньгами. «В самом деле», – писал в свое время очевидец, – «в стране, где веками культивировался «бакшиш» (подачка, взятка), где самое сознание людей пронизано жадой бакшиша, немцы применяли бакшиш в поразительно широком масштабе. Каждый немец, как правило, давал по 2 – 5 афгани чуть ли не каждому встреченному им полицейскому или солдату. Во всяком случае, проходя мимо полицейских, стоящих у входов в банк, в министерства, в посольства и т.п., каждый немец непременно давал им два афгани. При этом, выслушивая благодарность от обрадованного бедняка, немцы говорили, что деньги эти от Гитлера».

Сдобренная обильными подачками германская пропаганда находила отзвук в определенных слоях населения, особенно – настроенных традиционно антианглийски. Но было немало людей, сочувствовавших ей и по религиозным мотивам. Таким людям адресовались радио Берлина и устная пропаганда членов германской

колонии в Афганистане. Гитлер прославлялся как покровитель и защитник ислама, борющийся против его врагов – Англии и СССР. Распространялись сплетни о зверствах большевиков в населенных мусульманами районах Советского Союза, о том, будто бы перед атакой части Красной Армии гонят перед собой безоружных мусульман, используя их в качестве живого щита, и т.д.

Гитлеровские пропагандистские материалы в первые годы войны публиковались во влиятельных афганских изданиях – таких, как газета «Ислах», журнал «Иктисад», распространялись на объектах германо-афганского сотрудничества. Настоящим пропагандистским центром стала для гитлеровцев кабульская средняя школа «Неджат» – одна из трех, существовавших тогда в афганской столице. Здесь с 6 класса преподавание велось немцами на немецком языке. Ученикам (их была тысяча) бесплатно раздавались тетради и учебники с портретами Гитлера и лозунгом: «Германия победит весь мир!»

Но, конечно, основное внимание германское посольство и, особенно резидентура абвера, уделяли работе в верхнем эшелоне – в правительственных и военных кругах, среди высшей бюрократии и придворной знати. Здесь удалось создать внушительные позиции.

ОПЕРАЦИЯ «АМАНУЛЛА»

Свергнутому в 1929 году правителю Афганистана Аманулле-хану предстояло жить в эмиграции в Италии до глубокой старости. Он умер в 1960 году. В военные же годы именно на реставрацию Амануллы у власти сделала ставку в своей афганской политике Италия, давняя ему приют и имевшая разветвленные интересы в Афганистане. Германия не вполне солидаризировалась в этом со своим итальянским союзником. У нее была и собственная концепция действий в Афганистане. Но

Германия не отказывалась и от использования Амануллы, если это окажется возможным и целесообразным. Вряд ли свергнутый эмир подозревал, что именно его именем германские планировщики назвали военно-политическую акцию, нацеленную на овладение афганским плацдармом и выход в Индию в 1942 – 43 годах. Итак, операция «Аманулла» ...

Исходным ее пунктом должно было стать установление немецкого военного контроля над Кавказом, Закавказьем, Каспием и Северным Ираном в результате летне-осенней кампании 1942 года. Выход германской группировки в Иран в районе Тавриза намечался на июль-сентябрь 1942 года. Предполагалось, что движение колонн будет проводиться по трем маршрутам: вдоль

Аманулла-хан, падишах Афганистана, в национальном костюме.

Каспия от Махачкалы через Дербент; по Военно-Грузинской дороге; по восточному побережью Чёрного моря и далее — через Турцию.

Для вторжения на Средний Восток и в Индию формировалось в Греции специальное ударное «соединение Ф», оснащённое для действий в тропических и субтропических регионах. Это был механизированный корпус под командованием генерала Фельми. Всего же для захвата афганского плацдарма гитлеровское командование планировало выделить 3 танковые, 4 мотострелковые, 6 горнострелковых, 4 пехотные дивизии и 1 автополк.

Что касается политической сути «операции Аманулла», то она сводилась к тому, чтобы поставить во главе Афганистана послушное странам оси правительство, которое оказало бы все необходимое содействие Германии в подготовке к вторжению в Индию. Главой такого режима и мыслился Аманулла-хан, которому трон возвращался бы как плата за это содействие. Чтобы подтолкнуть и вознаградить Афганистан, ему предполагалось отдать Синд, Белуджистан, Западный Пенджаб, Кашмир, некоторые другие территории.⁶

Дворец падишаха Амануллы-хана в Кабуле.

Существовал и другой претендент на лидерство в Афганистане. Это был бывший министр амануллистского правительства Гулям Седык-хан, который должен был возглавить на месте операцию по свержению короля Захир-шаха.⁷

Во всех случаях действия германских войск ставились в зависимость от двух условий: от прекращения сопротивления СССР на советско-германском фронте и от успеха антианглийского восстания племен. Осенью 1941 года и в 1942 году не раз казалось, что оба эти усло-

Баче-Сакао и его министры.

вия вот-вот создадутся. Так, 10 октября 1942 года афганский источник сообщал: «Немцы уверены, что через два-три месяца их войска будут здесь». А в июне 1942 года сотрудник резидентуры абвера Витцель совершил серию поездок по Афганистану с целью обследования состояния дорожной сети – его интересовало, выдержат ли дороги и мосты массивованные передвижения тяжелой германской техники.

В его отчете интересен один момент отнюдь не технического характера. Витцель особо подчеркнул, что афганцы обладают высокой чувствительностью по отношению к поведению иностранцев, и это необходимо учитывать. «Германские солдаты должны строго соблюдать обычаи и религиозные нормы жизни местного населения», – писал Витцель.

В самой Германии в это время уже была создана «тюркская дивизия», составленная в своей преобладающей части из советских военнопленных – уроженцев среднеазиатских республик. Выходцы из других исламских стран направлялись в «мусульманские батальоны». Работали ускоренные курсы и «школы мулл», где за 2 – 3 недели формировались «войсковые муллы» для работы с населением стран Среднего Востока и личным составом мусульманских формирований. И в начале 1943 года в Берлине еще собирались штабные совещания по «плану Аманулла», где обсуждались вопросы десантирования в Кабуле 4000 германских солдат для овладения положением, смены режима, подготовки вторжения в Индию и т.д. Сошлись на том, что это можно будет сделать как только падет Баку – чего так и не произошло...

Но угроза Афганистану была достаточно реальной, а деятельность гитлеровских спецслужб в нем самом приобрела значительный размах. Гитлеровцы вышли на важные государственные структуры, их принимали и с ними имели дело влиятельные лица, и, если бы германское наступление 1942 года не захлебнулось под Сталинградом, вероятность прорыва немецких войск в Иран и Афганистан стала бы весьма вероятной.

... 1 ноября 1941 года 1000 самых авторитетных в Афганистане вождей племен, улемов и мулл, предприини-

мателей, высших правительственных чинов собрались в королевском дворце на Лоя Джиргу. Предстояло подтвердить нейтралитет страны в разраставшемся глобальном конфликте. Высокое собрание постановило: «Никакому иностранному государству ни в какой форме не будет позволено занять всю или часть афганской территории, или использовать нашу дорогую родину для проведения военных действий, или получать у нас какие-либо привилегии во время войны».

В целом нейтралитет Афганистана в годы второй мировой войны состоялся. Но в 1941 – 43 годах он подвергался тяжким испытаниям и находился под серьезной угрозой. У Германии и Италии были в Афганистане влиятельные друзья.

ИХ БЫЛО НЕ ТАК УЖ МАЛО...

В афганских правительственных сферах 30 – 40-х годов царил своеобразная и крайне замкнутая атмосфера. Туда было трудно проникнуть, особенно иностранцам. Лица, входящие во дворец, в министерства и ведомства, были труднодоступны, молчаливы, высокомерны и крайне осторожны. Не было принято высказывать свои взгляды откровенно, публично и четко. Выступления в печати не поощрялись. Интервью не давались. На приемах и официальных встречах разговоры велись в основном протокольного характера и на нейтральные темы. Симпатии и антипатии не выражались. Ход военных действий и течение событий за пределами страны почти не комментировались, либо же – комментировались с подчеркнутой осторожностью и безакцентностью. Посещения частных домов не поощрялись; ресторанов и кафе, где европейцы и афганцы могли бы общаться, фактически не было, а чайхана – не то место, где афганец мог бы, не беспокоясь за последствия, поболтать с европейцем. Беседовать же за

рюмкой спиртного в Афганистане и сейчас не принято, да и нигде. Следствием всего этого стало то обстоятельство, что контакты с афганцами в этой стране носили и носят своеобразный налет закрытости, интимности, защищенности от посторонних.

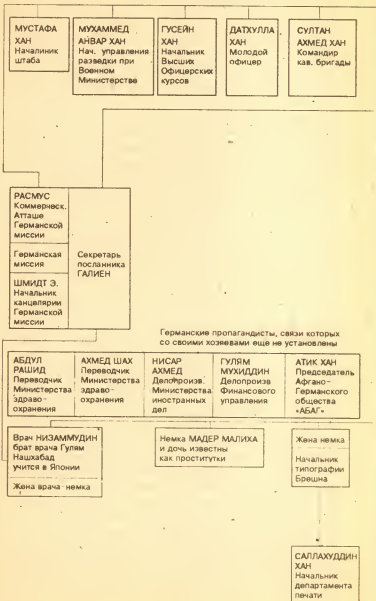
Объясняется это многими причинами. Афганцы вообще отличаются сдержанностью в контактах, они не склонны проявлять эмоции перед посторонними, ограничивают себя в общении прежде всего семейным кругом, который у них очень широк. Афганские семьи, как правило, многодетны. Живут обычно не только собственной семьей, но и с родственниками, их детьми, родственниками и детьми родственников и т.д. То, что вне семьи, — это уже внешний мир, и здесь действуют правила ограниченного общения с посторонними.

А посторонними являются другие кланы, племена, национальности и народности. Отношения между ними очень давние и сложные, подчас окрашенные кровью мести за давние и недавние обиды и оскорбления, за набеги и столкновения, за данное и нарушенное слово, обязательство и т.д. Все это не располагает афганца к разговорчивости с незнакомыми и малознакомыми людьми.

И это не все. Афганистан обрел суверенитет под руководством сурового и жестокого Абдуллаха-хана. Желая утвердить власть центра над вассальными и непокорными племенами и провинциями, он широко применял аресты, пытки, публичные казни. После бурных перипетий, последовавших во время восстания против Амануллы, свержения Баче Сакао — Хабибуллы и утверждения династии Надиров, к которой принадлежал и правивший с 1933 года Захир-шах, преследования оппозиционеров и инакомыслящих ужесточились. А после начала второй мировой войны, в условиях неустойчивости и режима нейтралитета Афганистана, полицейский контроль стал еще более сильным.

Вот почему не так-то легко было выяснить и установить, кто из афганских официальных лиц и насколько мог быть близок к немцам и какие последствия для нарушения нейтрального статуса Афганистана и вытекающих из него обязательств это могло бы иметь.

НЕМЕЦКАЯ АГЕНТУРА В КАБУЛЕ ПО ДАННЫМ НА 1.02.1942 ГОДА

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН

Иначе говоря, соотношение сил в правящих кругах и ситуация в целом менялись, а без знания этого нельзя было строить и правильную политику по отношению к нашему южному соседу. Информацию приходилось собирать буквально по крупицам. Как это происходило? Вот, например, сообщение источника «Яр» из Кабула от 10 января 1943 года: «За последние 25 дней я поручил трем служащим полиции и трем лицам, имеющим внешний вид пинчих, выяснить для нас следующие вопросы:

- а) Кто в Кабуле работает для японцев, итальянцев и немцев?
- б) Кто является их связными?
- в) Как и над какими вопросами они работают?
- г) С кем, где, в какое время дня и ночи они встречаются?»

Конечно, разового, да к тому же всеобъемлющего ответа на свои вопросы «Яр» не получил. Можно сказать, что эти вопросы были постоянно актуальными в течение всей войны и выясняли их непрерывно, используя и сопоставляя все имеющиеся сведения и кусансы информации, применяя прежде всего интеллект и аналитические способности. Не в Афганистане решались судьбы войны и человечества. Но думать здесь надо было не меньше, чем Штирлицу. Дуэль с гитлеровской, итальянской, японской разведками требовала высокого профессионализма, интеллекта, лучшего, чем у противника, знания языков, нравов и обычаев Афганистана и региона. К счастью, все это имелось, как свидетельствуют факты.

Но вернемся к Яру. Данные наружного наблюдения и сопоставление информации из других источников позволили выявить 10 имен тех афганцев, кто поддерживал регулярные связи с германским посольством и 4 — с японским.

Все они — гражданские лица. Но особое внимание гитлеровской резидентуры привлекали афганские военные круги. Здесь работали германские армейские инструкторы, сотрудники военного атташе и абвера. Удалось установить, что дом Расмуса в Кабуле регулярно посещают по вечерам такие высокопоставленные лица,

как начальник штаба армии генерал Мустафа-хан; Мухаммед Анвар-хан – начальник военной разведки; Сараджуддин-хан – начальник оперативного отдела военного министерства; Мухаммад Гаус-хан – помощник начальника инспекции этого же министерства; Султан Ахмад-хан – командир кавалерийской бригады; Хуссейн-хан – начальник Высших офицерских курсов и другие. Гостем Расмуса бывал и военный министр Шах Махмуд-хан. А о том, что гитлеровской Германии сочувствуют и враждебно относятся к СССР и Англии сам премьер-министр Афганистана Мухаммад Ханним-хан, его заместитель Наим-хан и командир Центрального армейского корпуса Дауд-хан, рассказывал сам Расмус, который при этом добавлял: «Тенерешнее афганское правительство дружелюбно относится к немцам и, в частности, помогает в снабжении информацией по Индии». Расмус находился при этом, как говорится, «на своей территории» – в германском посольстве. Но ведь не случайно из 25 слуг-афганцев, работавших в нем, семеро ранее служили в советском посольстве.

В любом случае гитлеровцы были уязвимы в своих связях с афганской стороной. Наши афганские друзья – а с февраля 1921 года, когда был заключен дружественный и равноправный договор между Россией и Афганистаном, их число многократно возросло, – делали все возможное, чтобы предупредить нас о действиях представителей стран оси. Наша резидентура, в свою очередь, действовала активно и, используя свои возможности и средства, узнавала, как правило, с опережением о намерениях и действиях противников. И все же читатель может спросить: а как можно доказать, что тот или иной афганец, из перечисленных выше, не только общался с германскими представителями в Кабуле, но и действительно помогал им и, тем самым, выступал против нас и наших союзников?

Ответ на этот вопрос дала история и подтвердили документы. Можно даже сказать, что ответ был дан дважды и были два «момента истины». Вот как это происходило.

В 1943 году в Италии было покончено с режимом Муссолини, а затем новое итальянское правительство объявило войну своему бывшему союзнику – гитлеровской Германии. Итальянское посольство в Кабуле перестало быть враждебным советскому и оказалось союзным. Контакты между посольствами возобновились, а итальянский посол в Афганистане Кварони получил ответственное назначение – ему предстояло переехать в Москву и в качестве посла новой Италии восстановить традиционно дружественные отношения между нашими странами, прерванные Муссолини. При этом учитывалось, что Кварони никогда не был фанатичным фашистом и ограничивался выполнением чисто посольских обязанностей, не вел активной работы против СССР, находясь в Афганистане, а также владел русским языком и был женат на русской.

В предвидении отъезда Кварони не раз посещал советское посольство в Кабуле, зачастую по собственной инициативе, и охотно делился информацией по вопросам, имевшим для нас большое значение.

12 и 17 февраля 1944 года он встречался с резидентом советской разведки, которого знал еще перед войной. Кварони хотел внести ясность в сложный и деликатный вопрос – как взаимодействовали германская и итальянская разведки в Афганистане, в частности – как они работали с афганской стороной и чего добились. Кварони не отрицал, что эти резидентуры тесно сотрудничали, но подчеркнул, что полного доверия между ними не было – в частности, они не сообщали друг другу имена своих источников. Кварони сказал: «Немцы просто не считали нужным делать это. Итальянцы же не давали им сведений потому, что это сразу же стало бы достоянием базара, т.к. немцы не умеют хранить секретов».

Что же, таково мнение человека, который хорошо знал своих партнеров. Но в ходе дальнейшего разговора, когда речь зашла об афганцах, то в длинном перечне

имен, упомянутых Кварони в качестве партнеров и сторонников стран оси, мы видим все знакомые уже имена – те самые, которые были установлены нашими людьми в Кабуле задолго до того, как Италия вышла из войны, а итальянский посол получил возможность проинформировать о них советских коллег. Лишь несколько персонажей оказались новыми – такие, например, как министр народного хозяйства Абдул Маджид-хан; Гулям Яхья-хан – министр здравоохранения; Гулям Расул-хан – один из крупных предпринимателей и некоторые другие. Так поворот исторических событий подтвердил достоверность сведений, собранных по крупицам задолго до того.

В разговоре был затронут еще один деликатный вопрос. Советский резидент поинтересовался: а что знал посол Италии о деятельности советской разведки в Афганистане?

Кварони ответил охотно. Отметив, что этим вопросом он и его германский коллега – посол Пильгер – интересовались постоянно, Кварони рассказал: однажды – это было зимой 1941 – 42 годов – он и Пильгер получили указания Рима и Берлина составить доклад о действиях посольства и разведки СССР в Афганистане. Доклад надлежало составить совместно. Оказалось, однако, что к их стыду, ничего конкретного они не могли сообщить, и весь доклад носил очень общий характер, основанный больше на догадках и предположениях. Ни у немцев, ни у итальянцев не было никаких материалов об агентуре советского посольства. Они могли лишь подозревать в принадлежности к нашей разведке некоторых отдельных лиц, причем в этом вопросе они вынуждены были исходить только из внешних признаков. Так говорил Кварони, вряд ли вспоминая в тот момент человека, «имевшего внешний вид нищего», который часами простаивал у интересующих его дверей того или иного учреждения стран оси в Кабуле.

Не менее достоверной оказалась и собранная информация об афганских сторонниках и агентуре самой Италии, а также Японии. Правда, Кварони слукавил, когда сказал, что итальянцы имели сторонников лишь среди разгромленных властями к этому времени амануллис-

тов, а также в некоторых племенах. Советской разведкой было тогда же установлено, что на итальянцев, например, работали не менее 10 высокопоставленных офицеров афганской армии, в том числе руководители отделов: боевой подготовки, вооружений, интендантского, некоторых других служб; на японцев – сотрудник организационного отдела полицейского управления Мирза Мухаммед Тахир-хан, полковники Абдул Рахим-хан и Нур Мухаммед-хан, чиновник таможни Мирза Мухаммед Сарвар-хан, старший секретарь личной канцелярии короля Нур Ага-хан, генерал Дуст-хан и другие. И пусть только после войны и соответствующей проверки выяснились и подтвердились окончательно все эти детали – все же поступающая из Кабула задолго до этого информация была достоверной, и Центр мог на нее полагаться. Беседы с Кварони были доложены в Центр. Кварони фигурировал в переписке как «Дон Жуан».

Но пора сказать о втором «моменте истины».

9 мая 1945 года, когда в Кабуле узнали о капитуляции Германии, афганские власти опечатали кассу, сейфы и архив гитлеровского посольства. В июле послы СССР, США и Великобритании, с согласия своих правительств, предложили Министерству иностранных дел Афганистана переправить на советскую территорию для последующей передачи союзным властям в Германии персонал и имущество этого посольства. 23 августа посол III рейха Пильгер и оставшиеся в Кабуле несколько его сотрудников прибыли в Москву. Здесь, в Москве, им предстояло ответить на вопросы представителей компетентных органов, касающиеся их деятельности в Афганистане. Эти показания и данные архивов позволяют видеть практически всю деятельность, включая и разведывательную, германской колонии в Афганистане, и в большой мере – и представительств союзных Германии стран. Выяснилось многое. И, в частности, то, что немцы имели дело именно с теми людьми в Афганистане, о которых было своевременно доложено в Центр. Круг замкнулся.

Многого ли добились все же страны оси и, в частности, Германия в Афганистане? Было ли это действительно серьезно?

Собственно, ответ на этот вопрос и выясняли следователи на допросах Пильгера и его сотрудников в Бутырской тюрьме в августе 1945 – июне 1946 годов.

Надо сказать, что Пильгер отвечал на вопросы охотно и пространно. Особенно, когда речь шла о его контактах с афганским руководством и вообще о германо-афганских отношениях. Лишь две проблемы «выпадали» из общего тона его высказываний: деятельность германской резидентуры в Афганистане и ее акции, направленные непосредственно против СССР. Здесь следствию приходилось «помогать» Пильгеру, предъявляя ему документы из архива его посольства и сведения, полученные от «наших из Кабула», потому что сам он сводил дело лишь к одному. «В период войны», – утверждал Пильгер, – «миссия всецело была поглощена выявлением военных мероприятий англичан... Нанна работа выражалась, главным образом, в подрывной деятельности против Индии...» Пильгер, конечно, полагал, сидя в советской тюрьме, что для него намного выгоднее признаться в антианглийской деятельности, чем в антисоветской.

Однако то, что выявили показания Пильгера и архивные документы, имеет немаловажное значение, а кое-что мы действительно узнаем впервые. Вот, например, как оценивал Пильгер нейтралитет Афганистана, каким он был в 1941 – 43 годах:

– «Министр иностранных дел Афганистана заявил мне: «Мы были нейтральными в войне 1914 – 18 годов и этой же линии будем придерживаться и теперь», – вспоминал он.

Следователь: «А в действительности как обстояло дело?»

Пильгер: «В действительности было совершенно другое. Первое время афганское правительство вполне придерживалось нейтралитета, но ввиду военных успехов немецкой армии в Европе оно стало к нам относиться наиболее благожелательно и по ряду вопросов разделяло точку зрения захватнической политики германского правительства, желало полной победы германской армии. Это подтверждалось, во-первых, тем, что афганское правительство не препятствовало германской миссии в Кабуле заниматься под разными предлогами выявлением военной мощи английской армии в отношении Афганистана, а также в Индии. Кроме того, германская миссия с разрешения афганского правительства проводила активную профашистскую пропаганду против союзников. Эта пропаганда в значительной степени была усилена после военного нападения Германии на Советский Союз». «Германская миссия», — продолжал Пильгер, — «широко использовала местную афганскую прессу путем помещения в ней различных информационных и статей, которые периодически присылались из Германии, чему афганское правительство не противодействовало».

По свидетельству Пильгера, премьер-министр Афганистана Хашим-хан и его заместитель Наим-хан «исключительно лояльно относились к гитлеровскому правительству, а отсюда и к немецкой миссии в Кабуле».

Но как далеко распространялась эта «лояльность»? Каких пределов она достигла?

До сих пор речь шла в основном о пропаганде. Но в 1941 – 43 годах в отношениях между Афганистаном и странами оси происходили сдвиги, затрагивавшие самую их суть, а вместе с тем – и нейтральный статус Афганистана, и перспективы его отношений с СССР.

Вспомним, что летом 1942 года германские войска совершили глубокие прорывы в юго-восточном и южном направлениях. Появилась перспектива их выхода к Турции, Ирану и Афганистану. В предвидении этого афганское правительство совершает ряд маневров «навстречу». Как ни мала была, с точки зрения сегодняшнего дня, вероятность германского вторжения через Афганистан в Индию, все же в Кабуле с ней считались

тогда вполне серьезно. Впечатление от германских успехов было сильным, влиятельные сторонники III рейха заметно оживились, вести с Востока – с тихоокеанского, бирманского и китайского фронтов – были обескураживающими: на суше, на море и в воздухе Япония демонстрировала преимущества, и выход японских войск к Индии был лишь вопросом времени.

В таких условиях Германия, Италия и Япония оказывают на Афганистан все более серьезное давление. Они видят свою цель в том, чтобы, вопреки своему нейтралитету, Афганистан оказался фактически на их стороне. А в феврале 1942 года послы стран оси в Кабуле сделали совместное представление афганскому Министерству иностранных дел. Они заявили: дальнейшее нахождение Афганистана в положении нейтрального государства не устраивает их, и они желали бы, чтобы афганское правительство заняло позицию, которая определила бы более ясно отношение афганцев к странам оси. Одновременно германское посольство от собственного имени выступило с отдельным представлением: оно просило афганские власти не чинить препятствий работе специального характера, проводимой в Афганистане (подчеркнуто автором). Если на совместное представление послов афганская сторона ответила не сразу, то на германское реакция была незамедлительной и весьма характерной. Пильгеру тотчас ответили: помилуйте, мы и так никаких препятствий вашей специальной деятельности здесь не чиним.

Это соответствовало действительности и, хотя касалось конкретного вида работы гитлеровцев в Афганистане, т.е. разведывательной работы, но отражало и общую тенденцию влиятельных афганских кругов. В Берлине же продолжали гнуть свою линию.

Вскоре Пильгер направляет письмо в МИД Афганистана, в котором сообщается, что 20 февраля 1942 года в Берлине под председательством Геббельса состоялось совещание представителей союзных и оккупированных стран – Франции, Дании, Голландии, Норвегии, Бельгии, Болгарии, Румынии, Чехословакии (имелись в виду т.н. «протекторат Чехии и Моравии» и режим Словакии – авт.), – на котором обсуждался вопрос о послево-

енном мировом устройстве. От имени участников совещания Афганистану делалось официальное предложение примкнуть к коалиции стран оси. В то же время поступило сообщение от кабульского друга Бхагата Рама — Ультама Чанга (в переписке — «Джим»). У него обучался английскому языку секретарь одного из отделов аппарата афганского Совета министров Низаметдин. В разговоре Низаметдин сказал, что в начале января 1942 года японский поверенный в делах сделал правительству Афганистана официальное предложение вступить в войну против Англии. За это Япония соглашается оставить за Афганистаном всю ту территорию Индии, которую он сумеет оккупировать. Низаметдин добавил, что в ответ афганское правительство попросило месяц-полтора на обдумывание.

В Берлине, на Вильгельмштрассе*, тоже обдумывали — теперь уже не без сомнений — не принесет ли выступление Афганистана на стороне стран оси больше минусов, чем плюсов. В командовании же сухопутных войск с чисто прусской недантичностью думали о своем: хватит ли в Афганистане водопроводных труб, насосов, горючего для обеспечения прохода германских колонн в Индию? И на всякий случай поручили Пильгсру и Расмусу закупить все это и складировать в укромных местах.

Одновременно Бхагат Рам получил от Расмуса задание развернуть деятельность по дезорганизации тыла английских войск в Индии к моменту выхода германских сил на ее западную границу. Предусматривались акты саботажа и террора, диверсии, выступления племен, оборудование посадочных полос и т.д.

Нейтралитет Афганистана на глазах приобретал все более благосклонный к странам оси характер. Афганское правительство реннило заранее задобрить Германию и выказать ей свою лояльность. С конца июля 1942 года оно неоднократно обращалось к германскому посольству в Кабуле с предложением политического сотрудничества в будущем. В частности, оно предлагало

* На Вильгельмштрассе в то время располагалось МИД Германии.

нам уже теперь предоставлять сведения об Афганистане, Иране и Индии», – сообщил МИД Германии Главному командованию вооруженных сил.

Далее – больше. В разгар немецкого наступления на Сталинград афганское правительство делает следующий шаг. Теперь уже речь идет не только о политическом, но и о военном сотрудничестве.

Пильгер: «Я был приглашен заместителем премьер-министра Афганистана Наим-ханом, который в беседе со мной заявил, что афганское правительство всецело разделяет политику фашистской Германии и что оно выражает готовность при дальнейшем продвижении германских войск на территории Советского Союза оказать германскому правительству помощь в виде вооруженной силы».

Сам Наим-хан от имени правительства сказал Пильгеру на одном из приемов, что оно «готово выставить хорошо вооруженную армию с тем, чтобы ударить в тыл Красной Армии». Тот, разумеется, немедленно информировал Берлин и получил указание – уточнить масштабы предложенной Наим-ханом операции.

Пильгер: «При выяснении этого обстоятельства Наим-хан сказал мне, что афганское правительство имеет намерение предоставить германским военным властям свою армию, насколько мне не изменяет память, примерно от 100 до 150 тысяч боеспособных солдат. Причем такое же предложение было афганцами сделано итальянскому послу Кварони».

К сентябрю 1942 года афганское правительство сформулировало три предварительных условия выступления Афганистана против СССР. Этими условиями были:

- успешное завершение действий германских войск на Кавказе и Среднем Востоке;

- окончательное принятие решения Германией и Италией о вторжении в Индию;

- создание странами оси системы «свободных исламских государств» на Ближнем и Среднем Востоке. В связи с этим последним пунктом Наим-хан подчеркнул: «Афганистан готов войти в такую систему государств».

Итак, схема выстроилась, и дело шло к тому, чтобы в разгар войны и в самый тяжелый для СССР момент был открыт новый – среднеазиатский – театр военных действий против СССР и Индии. Одно связывалось с другим. Создавалась новая ситуация. Но в истории и жизни всегда есть видимые и невидимые пружины действия. И, если включаются невидимые пружины, то действия могут не произойти.

«ПОЙМАТЬ МЯЧ И ВЕРНУТЬ ОБРАТНО...»

Действительно, в Берлине колебались, а с течением времени – и совсем отказались от первоначальных планов. Этому содействовали совершенно, казалось бы, противоположные факторы, а именно – сперва победы, а затем – поражения германских войск на Восточном фронте.

Сначала об успехах. Осенью 1942 года германские стратеги мыслили как бы «постсталинградскими» категориями. Им виделись глубокие прорывы на Средний Восток с выходом в Индию, и будущее Афганистана представлялось им иным, чем афганскому правительству. Если последнее хотело заранее «задобрить» Берлин и, поддержав Германию, сохранить за собою власть в условиях прохода ее войск через Афганистан, то в Берлине на это смотрели иначе. На Вильгельмштрассе усмотрели в афганских инициативах не более чем тактический маневр: «Афганистан в руках королевской семьи, а та зависит от англичан и связана ими по рукам и ногам», – разъяснялось министерством Пильгера. – «Но мы должны, если еще придаем какую-нибудь цену продолжению наших отношений с Афганистаном и пребыванию нашего посольства в Кабуле, поймать мяч, который бросает нам афганское правительство, и вернуть его обратно». При этом МИД еще раз обращает внимание Пильгера:

«Это не означает, что мы облачаем афганское правительство своим доверием, а что, скорее, мы относимся к его предложениям крайне недоверчиво».

Но почему на Вильгельмштрассе не доверяли Кабулу? Разве не могло рассчитывать афганское правительство на «обмен» власти на коллаборационизм, если уж немцы вторгнутся в Афганистан? Разве не могло оно рассчитывать на «компенсацию» в виде давно интересовавших Кабул пуштунских территорий к западу от «линии Дюранда» если немцы вторгнутся и в Индию? У Пильгера и Расмуса на основании многих встреч и бесед с руководителями афганского правительства созрело убеждение, что они «искренне желали победы Германии над союзниками, так как в этом случае питали надежду расширить свои границы и, в случае победы Германии, предполагали изменить политический строй Индии. Кроме того, при изменении индо-афганской границы имели намерение выйти к морю».

Разумеется, в Берлине это понимали и учитывали. Но пока у немцев были успехи на Восточном фронте, они ориентировались не на кабульский режим, который считали слишком зависимым и от Англии, и от СССР, а потому ненадежным. У них был «запасной вариант», который был предусмотрен еще «операцией Аманулла». Это был сам Аманулла-хан.

Здесь придется упомянуть об одной тонкости в германо-итальянских отношениях, которая, при общей заинтересованности в Аманулле, все же отличала их позиции. Расмус так интерпретировал различия сторон: Италия ставит только на амануллистов. Но их мало, и они «под колпаком» у режима. Германия же «хочет привлечь на свою сторону нынешнее афганское правительство целиком».

Разница, как видим, существенная. И германская сторона, как более сильная, имела больше сторонников в правительственных кругах и в 1941 – 43 годах, казалось, существенно приблизилась к поставленной цели. Но в конечном счете и у Германии не было альтернативы Аманулле. Считалось, что за возвращение трона он будет надежнее как союзник, чем Захир-шах. Это понимало афганское правительство – и делало свои выводы.

Это понимали и проводники политики Берлина и Рима. Итальянский посол Кварони впоследствии вспоминал:

«Главное, что заставляло афганцев относиться настороженно к немцам и итальянцам, — то, что афганцы не доверяли итальянцам из-за Амануллы-хана, а немецкая линия поведения Берлина и Рима в отношении афганского правительства, проводившаяся с момента возникновения войны, привела премьера Хашим-Хана к убеждению, что он и его правительство уже приговорены немцами и итальянцами к смерти».

Таким образом, между Берлином и Кабулом шло своего рода «перетягивание каната». Кабул делал вид, что готов воевать вместе с Германией в обмен на ее согласие сохранить у власти существующий режим. Берлин делал вид, что готов принять такую помощь, но уклонялся от такого согласия, поскольку имел в виду заменить режим в Кабуле на более близкий себе. Впрочем, если бы так и случилось, то вряд ли Аманулла оправдал бы надежды Берлина. Это понимали и в Риме, где на него возлагали больше всего надежд. Тот же Кварони, говоря об этом, констатировал:

«Если бы Аманулла-хан пришел к власти с помощью немецких штыков, то авторитет его в Афганистане был бы невелик».

Но история распорядилась по-своему. Все варианты и планы прорыва в Индию, раздела Азии и мира — все это рассыпалось в прах после разгромов немецких войск под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге. В Берлине занялись теперь оттягиванием собственного краха. А в Кабуле после Сталинграда афганское правительство перестало вести дипломатические игры с германским партнером, который навсегда утратил свою позицию силы. Больше, по свидетельству Пильгера, афганское правительство «не предлагало свою военную помощь». Так была поставлена точка в истории операции «Аманулла». Здесь следует сказать и о том, что в афганском правительстве вовсе не было единства по вопросу об отношении к странам оси. Считая себя вынужденным «бросать мяч» Берлину и получать его обратно, премьер-министр Хашим-хан был твердо убежден, что

Германия, безусловно, проиграет войну и именно это определяло его подлинное отношение к немцам и итальянцам, — свидетельствует хорошо знавший его и регулярно с ним встречавшийся посол Кваропи. Эту позицию разделяли и король Захир-шах, и ряд других наиболее дальновидных афганских политиков.

В Москве знали о том, что происходило между Кабулом и Берлином, внимательно следили за перипетиями политических игр между ними и неизменно сохраняли готовность к тому, чтобы произнести свое решающее слово. Вряд ли Советский Союз оставил бы без внимания такое положение, при котором Афганистан стал бы союзником стран оси или очередным плацдармом гитлеровской агрессии. В Кабуле это также понимали достаточно ясно. Но в любом случае была необходима своевременная и полная информация о происходившем, которая и поступала от источников советской разведки в Кабуле.

... В тот октябрьский день 1941 года беседа Бхагата Рама с Пильгером и Расмусом затянулась за полночь. Пришлось започевать в германской миссии. Лишь на завтра Ром встретился с Заманом и подробно проинформировал о вчерашней встрече.

К этому времени Ром уже пользовался признанием и доверием немцев. Его информации о положении в Индии и зоне племен были не только достоверными — они имели для немцев уникальное значение, так как альтернативного источника у них просто не было. Ценность его сведений определялась тем, что борясь против англичан и видя в Германии единственную силу, способную их победить, Ром до поры до времени информировал германскую миссию добросовестно и подробно.

Теперь, после 22 июня 1941 года, положение изменилось. Патриотические организации Индии связывали надежды на ее освобождение с победой Советского Союза и его сторонников. Поскольку доверие немцев к Рому осталось, было решено сотрудничество Рома с ними использовать на благо антигитлеровской коалиции. Контакты с германской стороной было необходимо сохранить, но использовать против нее. Роль Рома и значе-

ние его работы повысились. Советский Центр пришел к выводу: «Задача Рома – стать немецким резидентом в Афганистане, выявить там немецкие связи и, по возможности, прошикнуть в немецкую работу из Афганистана на Советский Союз»*, а также на Индию, как указывалось позднее и в иной связи. В шифровке Заману Центр подчеркивал: «Ром – весьма волевой и принципиальный человек, относится к нам дружелюбно, заслуживает доверия».

... В тот день Ром добавил к информации о беседах с немцами (ему, как обычно, поручили выяснить вопросы по зоне племен и антианглийскому подполью в Индии) еще деньги и рации, полученные от Расмуса. 30 тысяч фунтов стерлингов в бумажных купюрах составляли значительную сумму в те времена, хотя ценились ниже золотых sovereignов. Две рации большой мощности были в образцовом состоянии – их немцы вручили Рому вместе с комплектами батареек, инструкциями по эксплуатации, кодами и шифрами, расписанием работы с указанием диапазонов и частот. Предполагалось, что деньги и рации будут использованы для «работы» в зоне племен. Поскольку проверить, куда они доставлены и кому вручены немцы могли только через того же Рома, а самостоятельно сделать это возможности не имели, то Заман логично решил использовать полученное для пополнения фонда обороны СССР и запросил для этого самолет из Ташкента. Бхагат Рам настаивал на том, что лучшего применения для денег абвера быть не может, и убедил. Центр, однако, решил иначе: рации разместить в надежных местах в Кабуле, а деньги вернуть Рому на нужды его организации «Кирти Киссан», которая теперь занимала четкую просоветскую и антигитлеровскую позицию. Но, благодаря Рому, вся работа берлинских радиостанций на Афганистан и Индию оказалась под постоянным и надежным контролем. Поскольку немцы при каждой замене шифра, кодов, диапазонов и частот информировали Рома, то контроль не прерывался. Под «коллаком» находилась и вся

* Сохранен стиль оригинала – Ю.К.

работа абвера в зоне племен и в самой Индии. Эта работа расширялась и активизировалась. Шли последние месяцы 1941 года...

«ФАКИР ИЗ ИППИ»

В советских радиоперехватах, осуществляемых благодаря шифрам Рома, все чаще фигурировали обращения Берлина к «факиру из Иппи». Такой человек действительно существовал, и в 1941 – 44 годах именно на него ориентировалась германская разведка в зоне племен. О нем знали и им интересовались итальянцы и японцы. И, конечно, его хорошо знал Бхагат Рам.

Человека этого звали Мирза Сеид Али-хан. Он был вождем племени вазиров. В местности Иппи, что в Вазиристане, находилась его ставка. «Факиром из Иппи» назвал себя он сам в своей шифропереписке с Берлином и германской миссией в Кабуле. Этот псевдоним и закрепился за ним. Слово «факир» в арабском и персидском языках имеет много значений, а в данном случае переводится как «праведник». «Праведник из Иппи» – так представлял себя своим германским партнерам Мирза Сеид Али-хан.

Вазиры... Гордое, воинственное, независимое пуштунское племя, точнее – союз племен. Неподвластные никому, кроме собственных традиционных авторитетов, люди. Поставить их под контроль не удавалось никаким внешним силам – ни англичанам, ни центральным кабульским властям. Жизнь здесь, как и в древности, течет по своим законам. Свод этих законов и правил, выработанных поколениями пуштунов, называется «пуштун вали». Верность племени и его вождям. Неподчинение никому другому. Презрение к смерти и готовность умереть за интересы и традиции племени. «Нет бога, кроме аллаха». Нет власти, выше племенной джирги. Джирга – собрание мужчин-воинов. Воинами становятся по достижении мужской зрелости и после

испытаний на умение владеть оружием и собой. Все рождаются и растут в готовности сражаться. Все вооружены — хотя бы дедовским кинжалом или английской магазинной винтовкой «бур», и все умеют стрелять. Сила племенной солидарности и традиций превосходит любую силу, с которой сталкивался Афганистан в XX веке. С этим стране придется вступить и в третье тысячелетие...

Племя вазиров всегда было настроено антианглийски. Оно одним из первых приняло на себя удар 80-тысячной англо-индийской армии в 1919 году. Вместе с племенами момандов, джадранов, сафи, мангалов и многих других, вазирот отстаивали независимость Афганистана, а в независимом Афганистане — собственную независимость от него, т.е. от центральных афганских властей.

Жизнь в зоне племен — это особая жизнь. Человек, вооруженный «стингером» или каким-нибудь другим суперсовременным оружием с прибором ночного видения, соединен с современностью именно этим оружием да еще радиосредоточником. Но свой уклад жизни он представляет себе, как его отец, дед и прадед. Шариат определяет этот уклад, а кодекс «пуштун вали» — нормы повседневного поведения.

Чтобы лучше представить себе эти племена, обратимся снова к наблюдениям В.М. Примакова. Вот что писал он о двух, быть может, наиболее значительных и колоритных племенах — момандах и вазирах. Если его слова не утратили значения и сейчас, то тем более актуальными были они тогда, в 1941 — 45 годах.

«Страна момандов сурова и бедна. Горные склоны покрыты альпийскими лугами, в долинах рек возделаны убогие пашни, вокруг редких поселков, укрепленных глиняными стенами с башнями по углам, разбиты небольшие сады, в которых растет слива и большая твердая груша, терпкая и жесткая. Эту страну населяют моманды — одно из самых воинственных афганских племен. Попытки англичан проникнуть в страну момандов были отражены с тяжелым уроном. Сами моманды неоднократно подходили к Пешавару, и на их границах не утихала партизанская война. Моманды не

только сохранили свою независимость, но и остались способны к активным действиям против англичан.

Вазирь и макусуды, населяющие страну, по присмуществу кочевники. Оссдлая часть племен живет в кишлаках, укрепленных стенами и башнями. Население Вазиристана около 300 тысяч. Боевые качества вазиров и макеудов очень высоки. Ловкость, неутомимость делают их исключительно умелыми бойцами в их горной стране.

Макеуд терпелив в выслеживании неприятеля, бьет его только наверняка, в самый неожиданный для него момент. Вазир более горяч и порывист, склонен к рукопашной схватке. Эти боевые качества племен Вазиристана надолго обеспечили их от проникновения англичан и долго мешали англичанам утвердиться в Вазиристане»⁸.

Пуштунические племена, тем более союзы племен — это большая сила. «Факир из Инпи» имел под ружьем свыше 22 тысяч ополченцев, по другим сведениям — 50 тысяч, и мог мобилизовать до 100 000 бойцов. Поскольку англичане в 1938 году подвергли вазиров жестокому бомбардировкам, которые периодически возобновлялись, блокировали их территорию и транзитные пути, то недостатка в «горючем материале» анти-

Вожди кочевого племени моманды.

английских настроений Факир не испытывал. Тем более, что его поддерживали и другие племена. Не хватало другого — денег, оружия, боеприпасов. На этом и основывалось сотрудничество Факира и немцев. К началу 1942 года Факир получил от них, по его собственному признанию, более 1000 фунтов стерлингов золотом на покупку оружия, 50 000 афгани, еще 5600 золотых sovereignов в качестве специального дара, рацию, генератор к ней, ручной пулемет, револьверы и т.д. «Подпитка» продолжалась и в дальнейшем. А в 1943 году, в предвидении выдворения из Афганистана последних оставшихся там немецких специалистов, Расмус выделил Факиру «на хранение» 10 000 долларов США, 500 фунтов стерлингов золотом, 50 000 афгани, 5000 индийских рупий, оружие, боеприпасы и другие ценности. Все это давало Факиру возможность поддерживать очаг напряженности на границах с Индией и в северо-западной пограничной провинции. Англичане находились под давлением вазиров. Те временами предпринимали наступательные акции, нанося подчас чувствительные удары по позициям и самолюбию англичан. Так, в апреле 1942 года вазир внезапно окружил форт Дата-хел. В боях было повреждено 7 английских танков, сбито 3 самолета. Под прикрытием 90 танков и 40 самолетов англичане перебросили в форт 3000 солдат и 1000 индийских скаутов.

В 1944 и 1945 годах в Восточной провинции Афганистана восставали племена джадраны и сафи. Бои вспыхивали то в одном, то в другом районе зоны племен и Северо-западной пограничной провинции. Это содействовало рождению новых планов и надежд в Берлине на то, что широкое антианглийское восстание в этом «жестком подбрюшье» Индии в сочетании с действиями германских десантников и японских ударных сил может серьезно подорвать британские позиции на субконтиненте.

В этом направлении велись подготовительные работы, которыми занимались и в Берлине, и в германской миссии в Кабуле. В мае 1941 года была предпринята своеобразная «разведка боем». Два сотрудника абвера — Обердорфер и Брандт — выехали в зону племен на

автомашине, имея при себе оружие, деньги, снаряжение для подготовки вооруженных выступлений против англичан и против кабульского режима. Поездка была плохо подготовлена, оба участника не знали языка пушту, на котором в основном говорят в зоне племен, и местных обычаев. Доверившись случайным людям, они были выслежены полицией, отказались подчиняться ее приказам, открыли огонь по полицейскому наряду. Обердорфер был убит на месте, Брандт ранен, а весь эпизод продемонстрировал, что Берлин стремится поднять племена и против англичан в Индии и против пра-

Столетний фанатик-дервиш — один из проповедовавших «священную войну» против реформ Амануллы в Афганистане.

вительства в Кабуле. «Горючий материал» для этого имелся. Посол Кварони так характеризовал положение: руководство Афганистана «отдает себе полный отчет, что в данный момент (в начале 1942 года – *авт.*) было бы относительно легко вызвать восстание, которое фатально повлекло бы за собой весь Афганистан, и полагает, что мы имеем средства сделать это».

Более реалистично смотрел на происходящие события Ром. Он полагал, что на стороне центрального правительства и Британии стоит не менее 45 процентов населения племен, а в поддержку стран оси выступают не более 55 процентов. Но в любом случае игра, с точки зрения Берлина, «стоила свеч». И потому было решено ее активизировать.

«ПОЛОЖИТЕ ЕГО В ГРОБ...»

Слабым местом этой игры было то, что в самой зоне племен и в Северо-западной пограничной провинции никого из немецких разведчиков не было. Был «донор» – получатель денег и оружия «Факир из Иппи». Были другие вожди племен, более или менее готовые к сотрудничеству (мангалы, афридии, османхейль и другие). И был Ром – Бхагат Рам, к которому только и оставалось обратиться за советом и помощью. Расмус и его ближайший сотрудник – обер-лейтенант абвера Вилерт решили осуществить через Рома глубокую операцию, предусматривавшую переброску в зону племен диверсионных и инструкторских групп; оборудование замаскированных взлетно-посадочных полос и открытие воздушного моста Берлин – Вазиристан; организацию радиообменов между Берлином – зоной племен – собственно Индией с размещением радиостанций, обслуживающих ведомство Канариса и его агентуру в Индии; создание основных и промежуточных баз, складов горючего и вооружения; подготовку к развязыванию широкой антианглийской деятельности в Индии в увязке с

вторжением в нее японских войск и т.д. Факиру было решено уделить преимущественное внимание, первую инструкторскую группу и радиоспециалиста направить именно к нему. Был установлен пароль — «беспроводная связь», дублируемый номером 433131. Это был номер пистолета, подаренного Факиру лично Расмусом. Но нужен был офицер абвера на месте — и для содействия Рому, и для общего контроля. Обер-лейтенант Вилерт вызвался ехать сам. Но как исчезнуть из Кабула, не вызвав подозрений? Ведь Вилерт жил в Кабуле достаточно давно, был известен и в дипкорпусе, и афганской службе безопасности, да и вообще в Афганистане европеец-блондин не в состоянии «раствориться в толпе», стать незаметным, не привлекать к себе внимания...

Обер-лейтенант сочинил такой план: будет инсценировано убийство кого-либо из членов германской миссии. Произойдет церемония фиктивных похорон. Будет пущена версия, что убийство произошло на почве ревности. В суматохе похорон Вилерт исчезнет. На конспиративной квартире выкрасит волосы в черный цвет, переоденется в афганскую национальную одежду и в сопровождении Рома объявится в зоне племен. Вилерт не уточнил только, кто ляжет в гроб «для прикрытия» и куда денется потом, когда траурная церемония закончится. Берлин счел план слишком легкомысленным и не санкционировал его. Хотя, если бы Вилерт пустился в путь, то в конце его ожидал бы не Факир из Иппи, а «казенный дом» в Москве. Меры на этот счет, благодаря Рому, были приняты...

Однако судьба вознаградила незадачливого разведчика по-своему. В «хозяйстве» Расмуса работала секретарем молодая, красивая немка Галиен. Ее сблизила с Вилертом не только вынужденная скудность общения в Кабуле, но и принадлежность к службе в абвере. О ней Кварони как-то сказал Заману: если и есть в германской резидентуре прирожденный разведчик, так это Галиен. Ей нужен только хороший руководитель...

Такого в «хозяйстве» не нашлось. Нашелся муж. Им и стал бравый обер-лейтенант. Вместо полной опасности и экзотики жизни в племенах он получил обычную семейную жизнь, о чем, видимо, не пожалел.

Все это время, начиная с весны 1941 года, Ром курсировал из Кабула через зону племён в Индию и обратно. А с октября его поездки приобрели иное качество. Он стал «двойным агентом» и работа его стала вдвойне рискованной. Впрочем, было бы несправедливо не видеть, что он оставался верен одной цели – освобождению Индии. Теперь, сотрудничая с советской разведкой, он был уверен, что приближает эту цель, потому что победа антигитлеровской коалиции и сохранение в послевоенном мире колониального статуса Индии явно несовместимы, и именно так полагало большинство индусов.

В Берлине понимали это и старались использовать в своих целях стремление индусов к освобождению. В феврале 1942 года в Кабуле в германской миссии встретились послы стран оси и пришли к выводу: настало время рекомендовать своим правительствам выступить с совместной декларацией по «индийскому вопросу». В этой декларации следует подчеркнуть: страны оси борются за освобождение Индии и предоставление ей независимости. Появление такой декларации, – полагали послы, – «содействовало бы ещё большему обострению отношений народных масс с англичанами и ускорило бы внутренний взрыв в Индии». При этом, конечно, умалчивалось, что Берлин и Токио уже имели в отношении Индии собственные планы, которые предусматривали ее зависимость теперь от государств оси, особенно от Японии, а отнюдь не самостоятельность и суверенитет.

Декларация стран оси об «освобождении» Индии вскоре появилась. Созданная Босом организация «Свободная Индия», штаб-квартира которой из Берлина была перебазирована в Токио с филиалом в Бирме, была признана осью в качестве «правительства» Индии. Характерно, что послом фашистской Германии при «правительстве» Боса был назначен офицер разведки Р. Гамота. Соответствующий приказ издал сам Кальтенбруннер.

Но это произойдет позже, в 1944 году. Пока же, в феврале 1942, Расмус сообщает Рому, что ему надлежит срочно отправиться в Индию и приступить к формированию во всех портовых городах от Читтагонга до Карачи групп по проведению диверсий и саботажа и подготовке антианглийских восстаний. Эти выступления масс следовало увязывать с высадкой с моря специальных японских десантов, направляемых для дезорганизации английских баз, коммуникаций и гарнизонов. Боевые группы Рома должны будут взаимодействовать с ними. Вилсерт тут же передал Рому инструкции по изготовлению боевых взрывчатых веществ на местах.

Ром сразу же передал Заману полученные сведения. Информацию сочли настолько важной и срочной, что она была доложена Государственному комитету обороны — Сталину, Молотову, Берии.

Снаряжая Рома в дорогу, Расмус вручил ему 100 тысяч афгани и оружие. Большая часть этих денег была передана в Фонд обороны СССР, куда ранее он выслал 300 фунтов стерлингов золотом и 10 тысяч — в бумажных знаках. Расмус также распорядился, чтобы Ром, находясь в Индии, раз в неделю — по пятницам, в 15 часов, на волне 25,31 метра, выходил на связь с Берлином, пользуясь имеющимся у него шифром. Этот шифр имелся, естественно, и у Замана. Напоследок, в духе чисто немецкой пунктуальности, Расмус вручил Рому обстоятельную инструкцию — как выводить из строя промышленные объекты при приближении германских войск к Индии. В частности, предлагалось особое внимание уделить диверсиям на железной дороге Кветта — Захедап, выводу из строя туннелей и т.д. и т.п. «Это — задание, требующее быстрого выполнения», — подчеркнул Расмус. В информации Расмуса Ром усмотрел новое подтверждение намерения немцев осуществить наступление на Ближний Восток и Индию. Заман с ним согласился.

Инструктируя Рома, Расмус подробно остановился на политических задачах его миссии. Подпольная сеть, которую надлежало создать в Индии, получала кодовое название «Серебряная луна». Так же именовалась и радиостанция для шифросвязи с Берлином. Особое вни-

мание должно быть обращено на массово-политическую работу. Рому и его сотрудникам предписывалось, наряду с вербовкой прогитлеровских элементов, выявлять наиболее активных противников III рейха, составлять списки с указанием адресов, чтобы было легче арестовать их, «когда наступит время».

Следовало подбирать людей для захвата власти на местах, формирования органов управления для каждой провинции Индии во время вторжения германских и японских войск, разлагать чиновничий аппарат, расчищать площадки для присаждения самолетов и десантников. «Тайная война» против Индии готовилась немцами всерьез.

В заключение Расмус преподнес Рому сюрприз, которого тот никак от него не ожидал.

«Поздравляю Вас, дорогой друг», – сказал Расмус, принимая гостя. – «Поздравляю. Вы награждены высоким орденом III рейха. И я, благодаря Вам, награжден таким же. Но прежде всего позвольте огласить телеграмму фюрера, адресованную Вам лично. Видите: фюрер благодарит Вас за хорошую работу. А теперь вручаю Вам орден по его поручению.» И Расмус передал Рому футляр с орденом и удостоверением.

– «А как называется этот орден?» – спросил Заман.

– «Не знаю. Просто не обратил внимания и забыл», – ответил Ром.

Такой ответ вряд ли был понятен Заману. Но Ром ни в тот вечер, ни впоследствии так и не вспомнил названия своей награды. Он и не взял ордена с собой – оставил у Расмуса. Можно лишь предположить, что это был не последний по престижности знак отличия, раз сам Расмус получил такой же. Видимо, Ром считал ниже своего достоинства индийского революционера-интернационалиста запоминать названия гитлеровских наград.

Но полученная Ромом информация по Индии требовала ответных действий союзников в самой Индии. Тем более, что Япония пользовалась услугами немецкой разведки и могла быстрее и лучше, чем Германия, задействовать создаваемые в Индии подрывные структуры. Требовалось взаимодействие с англичанами, уста-

новление прямого контакта с английской разведкой в Индии, разработка и осуществление совместных мер по борьбе с германской и японской агентурами. Такого контакта требовала и безопасность самого Рома. Фактически его работа соответствовала интересам безопасности и стабильности Индии. Именно поступающая от него информация позволяла предотвращать диверсионные и террористические акции в стратегически важных индийских центрах. Между тем, Ром по-прежнему находился на нелегальном положении. Его разыскивала полиция. В любой момент ему угрожали арест и длительное тюремное заключение, а следовательно – и прекращение столь нужной миссии, которая соответствовала теперь интересам не только СССР, но и его союзников. И сам Ром, понимая это, просил рассмотреть вопрос об информировании англичан о его связи с советской разведкой. Имелось в виду, что английская сторона в обмен на предоставляемую ей информацию о германских и японских планах в Индии обеспечит ему безопасность и легальные условия пребывания в стране. Москва сочла это целесообразным. Начиная с апреля 1942 года, руководство британской разведки стало получать информацию, добываемую Ромом.

В июне Центр принимает решение о начале совместной с англичанами разработки против деятельности разведок стран оси. В порядке начатого сотрудничества стали совместно составляться специально для Расмуса сообщения о положении в Индии. Сотрудничество вышло за рамки Афганистана: по инициативе англичан Ром находит надежного человека для работы в Иране в контакте с советскими и английскими разведчиками, указывает его адрес в Тегеране, пароль для связи с ним и внешние приметы.

Сотрудничество двух разведок позволило практически парализовать всю деятельность по реализации крупномасштабных германских и японских планов в Индии и в сопредельном регионе. Теперь англичане знали точно, кто, где и когда готовил в Индии сколько-нибудь крупную акцию, направленную против союзников.

Контакт с англичанами осуществлялся на двух уровнях: Центром – с руководством британской разведки и Заманом – с ее представителями на месте.

Такое сотрудничество имело важное значение и в Иране. Здесь оно позволило принять действенные меры против гитлеровской разведки, которая имела серьезные позиции во влиятельных кругах Ирана и была особенно активной в 1941 – 43 годах. Лишь после ударов, нанесенных по ней перед Тегеранской конференцией и в последующем, гитлеровское подполье удалось разгромить окончательно.

Взаимодействие советской и английской разведок было необходимо и для того, чтобы обезопасить стратегически важную для СССР транспортную артерию, которая шла через Иран. Это была тоже «дорога жизни». По ней, начиная с осени 1941 года, шли в СССР поставки по ленд-лизу. Маршрут проходил по труднодоступной местности. Вооруженные банды наносили внезапные удары по транспортным колоннам. Германская разведка делала все возможное, чтобы нападения банд и диверсии специально засланной на трассу агентуры привели к срыву поставок, столь необходимых Советской Армии. Благодаря своевременным и эффективным мерам советского и британского командований в Иране и надежности поступавших разведданных, удалось обеспечить непрерывное поступление в СССР вооружения и продовольствия через Иран. Германская разведка потерпела поражение и здесь.

А наиболее значительная совместная работа была проведена в связи с акцией «Серебряная луна».

«СЕРЕБРЯНАЯ ЛУНА»

Ром вернулся в Кабул лишь в августе 1942 года. 31 августа произошла его первая встреча с Заманом, за которой последовала серия других. Нужно было основательно проверить привезенную из Индии информацию для

Расмуса, разработать версии ответов на возможные вопросы. У немцев не должно возникнуть никаких сомнений в том, что их резидент Рахмат-хан – такой псевдоним они присвоили Рому – работает успешно и добивается реальных результатов. Правда, Расмус все равно лично проверить деятельность Рома в Индии не мог. Других агентов у него не было. Но Бос в Берлине имел возможности через своих сторонников перепроверить многие детали представленного Ромом отчета. Он имел собственную информацию и видение проблем, лично знал многих людей, с которыми Ром по его поручению встречался, имел с ними связь и придирчиво читал ответы Рома на десятки вопросов о положении в Индии, которые перед ним ставил. Так что к экзамену надо было готовиться серьезно.

Вскоре начались встречи с Пильгером, Расмусом и их сотрудниками. Двое суток Ром вообще не выходил из германского посольства, а в марте 1943 года провел там целых 11 дней. Все это время он усиленно изучал новые цифры, коды, инструкции, осваивал специально для него присланную из Берлина мощную радиоаппаратуру, зубрил адреса и пароли нелегальных явок и конспиративных квартир, которые ждали его в Индии.

Расмус любил беседовать с Ромом, не имся, видимо, другого такого собеседника, охотно рассказывал о своей жизни, обстановке в посольстве и вокруг него, о планах, которые диктовались ходом событий. В частности, он рассказал о двух домах в окрестностях Кабула, в которых он оборудовал конспиративные квартиры в предвидении выдворения из страны оставшихся сотрудников германской миссии. Схемы расположения домов (в Кабуле улицы зачастую не имеют названий, а дома – номеров – *авт.*) и размещения комнат в них были, разумеется, тут же вручены Рому. С его помощью в эти дома следовало заблаговременно завезти рации, деньги, секретную часть архива, оружие, принадлежавшие миссии. Пароль для входа: «Я пришел с неба». Тут же выяснилось, что один из домов принадлежал заместителю министра общественных работ Абдуррахман-хану, другой – врачу городской больницы Карамутдину. Оба они частенько навещали своего немецкого друга Расмуса.

«Человек, имевший внешний вид нищего» всегда встречал и провожал их глазами, дежуря с протянутой рукой где-то поблизости от дверей гостеприимного немца.

Между тем, интенсивная подготовка к очередному выезду Рома в Индию завершалась. Новым моментом было то, что на этот раз ему было официально поручено Берлином работать и на японскую сторону. Он должен был теперь оказывать содействие японским агентам в пунктах их высадки с подводных лодок на индийском побережье.

Это произошло в связи с общим развитием событий в Юго-Восточной Азии. Япония рвалась в Индию, а организации Боса – внутрииндийская («Форвард блок») и внешняя («Индийская армия») – переориентировались на поддержку японского наступления с Востока. Еще находясь в Берлине, Бос поручил Рому в ближайший свой приезд в Индию связаться не только с филиалом «Форвард блока», но и с руководством «Джемиат-оль-Улема» (мусульманским духовным управлением в Индии) и попытаться склонить его к сотрудничеству с «Форвард блоком». Для этого Бос советовал использовать содействие Великого муфтия Иерусалимского, который давно уже тесно сотрудничал с Германией и ее союзниками.

С великим муфтием – его звали Амин-аль-Хусейни – связана длительная антисионистская и антианглийская борьба арабских фундаменталистов на Ближнем и Среднем Востоке при опоре на гитлеровскую Германию. Контакты с нацистами аль-Хусейни установил еще в 1933 году. В 1940 году при поддержке гитлеровских спецслужб и самого аль-Хусейни, к власти в Багдаде пришел генерал Рашид-аль-Гейлани, поднявший антианглийское восстание. Берлин активно поддержал его. Но восстание было подавлено англичанами, великий муфтий и мятежный генерал укрылись в Тегеране, а затем, в разгар войны, объявились в Берлине, где имели дело с Гитлером, Гимлером и Эйхманом, возглавлявшим тогда еврейский сектор Главного управления имперской безопасности.

Как раз перед этим Гитлер подписал приказ № 530: «Арабское освободительное движение на Среднем Вос-

токе является нашим естественным союзником против Англии. Поэтому я решил подгонять такое развитие событий, поддерживая Ирак» (т.е. Хусейни и Гейлани — *авт.*). Аль-Хусейни получал в Берлине за услуги III рейху 75 тысяч марок ежемесячно. А от германской разведки он получил однажды, по собственному признанию Шелленберга, «центнер золота и 50 000 долларов наличными».

Отрабатывая полученное, великий муфтий попытался теперь поднять против англичан мусульманское население Индии.

Итак, перед очередным выездом Рома в Индию Бос дал новое поручение и прислал 34 вопроса о положении в Индии, ответы на которые и должен был дать Ром. Расмус тоже не остался в долгу и задал 61 вопрос.

Любопытство обоих было отнюдь не праздным. И в Берлине, и в Кабуле, и в Токио верили, что Рому удалось создать и возглавить новую антианглийскую организацию в Индии под названием «Индийский национальный революционный комитет» (ИНРК). Этому верили, из этого и исходили. По докладам Рома, перепроверить которые так и не удалось, выходило, что ИНРК — это крепкая и надежно законспирированная военно-политическая организация, на которую вполне могут положиться и Германия, и Япония и которая успешно готовится выступить на их стороне во имя свободы Индии. Численность своей организации Ром скромно определил в 20 000 членов при 2000 — 2500 винтовках. К ней причислили для правдоподобия около 7000 дезертиров из индийских воинских частей — цифра, достаточно известная в англо-индийских военных кругах. Указывалось, что ИНРК располагает собственными средствами, получаемыми не только от Берлина, но и из независимых источников — от прогермански настроенных индийских капиталистов, в результате экспроприации банков и почт и т.д.

Ром с гордостью представлял свою организацию как руководящую силу в подпольном блоке таких партий, как «Форвард блок», «Бенгал Волонтьерс», Конгрессиистская соцпартия и «Кирти Киссан». Последняя фигурировала также для правдоподобия, т.е. в Берлине ее зна-

ли как традиционно антианглийскую, хотя на самом деле она еще в 1942 году вступила в индийскую компартию и заняла антигитлеровскую позицию. Ром предусмотрел даже такую деталь: все партии и организации, представленные в его подпольном блоке, якобы уже имеют пропорциональное своему весу представительство в центральном и провинциальных комитетах ИНРК. Получалось, что в Индии сложилась и действует своего рода «параллельная» структура, готовая, по сути дела, по выходе из подполья взять власть в свои руки как в центре, так и на местах. Сворачивалось то, к чему и в Берлине, и в Токио стремились так долго и упорно, потратив столько усилий, средств и жертв!

Неудивительно, что в столицах оси хотели знать об организации Рома все больше, а чем больше узнавали, тем больше вкладывали и глубже втягивались. Требовались искусство и выдержка, чтобы вести такую сложную и ответственную игру на уровне необходимого и достаточного правдоподобия. Для этого чрезвычайно важную роль играло развивавшееся взаимодействие советской и английской разведок. Без него «тайная война» против Индии, развязанная Германией и Японией, не была бы выиграна союзниками.

Здесь уместно сказать, что сам по себе метод создания подставных фиктивных политических организаций для обмана разведки противника не нов и использовался не впервые. Советская разведка, в частности, уже имела большой опыт его применения в 20-ые годы – вспомнить хотя бы знаменитую операцию «Трест». Но в данном случае этот метод использовали совместно две разведки, которые до и после этого подобных операций не проводили. Обмен разведывательной информацией в определенных пределах, конечно, имелся между СССР, США и Великобританией в 1941 – 45 годах. Но совместно проведенных операций было немного. А здесь, в Афганистане и Индии, такая операция-ловушка для противостоящих, достаточно мощных и опытных разведслужб была проведена точно, тонко и эффективно. Хотя по условиям того времени длительным такое сотрудничество быть не могло. Что касается самого Рома, то он очень скоро почувствовал на себе его целесооб-

93
108

ВОПРОСЫ ВОСА,
ПОЛУЧЕННЫЕ РАСПРОСОМ ИЗ БЕРЛИНА, НА КОТОРЫЕ "РОМ"
ДАВАЛ ОТВЕТЫ ВО ВРЕМЯ СВИДАНИЯ С РАСПРОСОМ И
ВЕТНЕЛЕМ 14-19 ЯНВАРЯ 1943 Г.

1. Вопрос - Принимаются ли в Индии "РОМОН" и его людьми передаваемые из Берлина инструкции /шифровки/ через радиостанцию "Азад Индустан" с предельной саботажом. Удастся ли людям "РОМА" расшифровывать эти передачи, смогут ли они и в будущем получить и расшифровывать эти передачи. Каким путем проводится подрывная работа /шпионство/ по инструкциям из передаваемых через "Азад Индустан" из Берлина, или по разрабатываемым на месте планам. Сумеют ли люди "РОМА" расшифровать секретные передачи, которые передавались через "Азад Индустан" 2,4,5,10 и 11 октября 1942.

Ответ - Избирание передачи через "Азад Индустан" пригласило много и много товарищей, и эта передача получила расшифровку. Саботаж проводился на по инструкции, передававшейся через "Азад Индустан", а по плану выработанным на месте. Инструкции Берлина не проводились в альян потому, что они не отмечали духу борьбы и, кроме того, были не правильными. Наши люди смогут в будущем получить и расшифровывать шифрованные инструкции и указания, которые будут даваться через "Азад Индустан", у них имеются люди для расшифровки. Проведение секретных передач через "Азад Индустан" были прекращены и расшифрованы.

2. Вопрос - Предлагает ли входить в кабинет Бенгал в два сторонника ВОСА, или они подали в отставку. Если

НКГБ
НКВД СССР

ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ

ОТДЕЛ "Б"

12 июля 1934

№ 1243/34

РАЗОСЛАТЬ

м. Берлин
м. Кобуле
м. Орлеан
м. Париж
м. Лондон
м. Москва
м. Киев
м. Харьков
м. Минск
м. Вильнюс
м. Рига
м. Таллин
м. Эстония
м. Латвия
м. Литва
м. Польша
м. Чехословакия
м. Венгрия
м. Румыния
м. Болгария
м. Югославия
м. Сербия
м. Хорватия
м. Словения
м. Черногория
м. Босния
м. Сербия
м. Хорватия
м. Словения
м. Черногория
м. Босния

ОС. СЕКРЕТНО
СРОЧНО

219

СООБЩЕНИЕ

Радиомониторинг разведывательной Службой Отдела "Б" НКГБ СССР 23 июля с.г. выявлены неизвестная германская разведывательная линия связи Берлин-Кобуле. Связь по этой линии проводится два раза в день в 1000 и 1600. Цифробмен незначительный, всего с 5 по 11 июля Кобулем передано 4 шифрограммы. Берлин депеа не передывал.

Кроме этой линии связи, ежедневно в 0000, 1020, 1320 и 1800 часов германский центр дипломатической разведки в Берлине продолжает поддерживать связь с радиостанцией в Кобуле. В обе стороны в день передается 1-2 шифровки.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА "Б" НКГБ СССР
Шоржани: Любезович

12.07.1934

14/15 53 3

К. Калинин
подпись на телеграмме
15.6.43

ПОЯСНЕНИЕ К НОВОМУ ШИФРУ.
ПОЛУЧЕННЫМ "РОМОН" ОТ НЕМЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ С НИМИ
4-го сентября 1943г.

1. Общие данные.

"РОМ" получил от ВЕЙЦЕЛЯ два шифра: буквенный и цифро-
вой. В принципе только цифровой шифр отличается от того,
что "РОМ" раньше получил от ВЕЙЦЕЛЯ. Новый цифровой шифр
предназначен исключительно для связи между "ЛОРА" и "ТОКОМ".
Новый буквенный шифр в принципе мало чем отличается от пре-
дшественного, внесены некоторые изменения, касающиеся, главным об-
разом, составления показательных групп. Кроме того, перешиф-
ровальной книге должна служить строка германского шифра
известного типа "The case of the Athenia", экземпляр
которой в свое время был послан нам.

Новый буквенный шифр должен служить для связи между
"ОШЕРОМ" и "ЛОРА", а также при переписке курьерским путем.
Он будет в силу по приходу "РОМА" в Индию и по ознакомле-
нии с кодом рукового состава Комитета. Старый буквенный
шифр не совсем изменен. Поэтому при расшифровке телеграмм
необходимо обратить внимание на расположение показательных
групп, так как при переписке новым буквенным шифром они
будут занимать в телеграммах другое место (об этом ниже).

II. Объяснение к буквенному шифру.

1. Как и прежде, основным элементом шифра остаются в основном
показательные группы. Принцип перешифровки остается тот же, что
и прежде, и ранее посланный нам пояснение к буквенному шиф-
ру, а также в дополнительном пояснении, в связи с изменением
шифра. "The case of the Athenia" как перешифровано
по коду.

2. Так как в новом буквенном шифре шифром для перешиф-
ровки служит строка "The case of the Athenia", то за-
дачей ее использования для составления перешифровальной таб-
лицы. Вследствие того, что в словах приведенного предложения
не достает 45 букв, соответствующих числу букв английского
алфавита, то дополнительно вперед записки ставится слово
SERVICE для выполнения этого количества. Как об-
зор мы получили название книги в следующем виде: "Service
the case of the Athenia."

3. Принцип составления перешифровальной таблицы остается
тот же, что мы указывали в ранее посланном пояснении
к буквенному коду. Вписываются специально 45 букв английско-
го алфавита к номеруются по порядку:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20
A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T
21 22 23 24 25 26
U V W X Y Z

разность. Попад по случайности в тюрьму во время одного из вояжей в Индию, он был освобожден и падсжно «прикрыт» английскими разведчиками на оставшсся время войны.

Расмус ж с удовлетворением слал в Берлин телеграммы о том, что созданный Ромом антианглийский фронт в Индии все расширяется, а организации Боса играют в его деятельности главную роль. Причем копии его донесений мы, благодаря Рому, получали подчас раньше, чем Берлин, или одновременно.

Разумеется, Расмус и германская военная разведка в целом не дали бы провести себя «на мякине». Им требовались серьезная информация, достаточно адекватная истинному положению вещей. И Ром получал от советской и английской разведки именно такую информацию. Он сообщал, например, немцам, что штаб южной индийской армии переведен из Бангалора в Бомбей; что

Handwritten: "Секрет"

SECRET *Wf*

1. Bhagat Ram reached Mardan on the 29th. September but was unable to establish personal contact with the British authorities until October 4th. At Mardan he met his elder brother Janna Das, a Congress member of the Legislative Assembly who had been released on parole from Peshawar jail to visit a sick wife, and learned from him that Ulham Chand in jail had been talking much too freely to his Congress fellow prisoners, with the result that it had become generally known in certain political circles that contact had been established with both the Germans and the Russians in Kabul following Chandra Bose's escape to Europe.
2. Bhagat Ram stated that he reached Kabul on the 1st. September and reported his arrival to his Russian contact on the following day. He was not able to meet Witzel until the 4th. September, but he spent the next five days in the German Legation.
3. The wireless station operator Doh discussed wireless details with him and said it was desired to send a spare transmitter to India in case the police should seize the existing Central

**Материалы британской разведки о деятельности Рома
в Афганистане и Индии.**

в состоянии повышенной готовности в Индии находятся 22 дивизии, а ВВС насчитывают 1000 боевых самолетов; что в подавлении антианглийских выступлений участвовало свыше 18 000 солдат; что из Индии на Ближний Восток направлены такие-то части, и т.д. Все это и многое другое было правдой.

Не соответствовало истине главное. Вся направленность информации Роба подкрепляла уверенность Берлина в том, что в Индии действительно удастся создать и развивать подпольную сеть прогерманских организаций; что формирование ее и руководство осуществляют именно те люди, которых немцы хотят видеть и которым верят; что в эту сеть стоит вкладывать средства, направлять агентов, инструкторов, рации, оружие и вообще делать ставку на эти оппозиционные структуры, а не на какие-либо другие. Вот что дало возможность парализовать антисоюзническую тайную деятельность Германии, а затем и Японии в Индии.

Неоценимую роль во всем этом сыграло то, что советская разведка обладала возможностью контролировать все шифрованные радиообмены между Берлином, Кабулом и точками в Индии. Еще в 1942 году Ром получил от Расмуса цифровой шифр на четырех листах и буквенный на шести, используемый абвером для связи со своей агентурой в Афганистане. В 1943 году он получил книгу новых шифров радиосвязи Берлина не только с Афганистаном, но и с Индией, причем по всем видам вещания — как радицентра абвера, так и радиостанций «Азад Хиндустан» («Свободная Индия»), которая принадлежала Босу. Ром знал все позывные, установленные абвером для радиообмена: Кабул — «Оливер», Берлин — «Мастер», Дели — «Мэри», Ром — «Рекс», «Факир из Индии» — «Дюк». Для «Мастера» и «Мэри» устанавливались часы вещания (время — индийское стандартное):

16.00 — 10900 кГц, 17.10 — 7105 мГц, 24.10 — 7105 кГц, 00.40 — 5210 кГц. Для «Мастера» и «Оливера» устанавливались позывные: днем — АХВО, вечером АЗХВО. Работа по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям. Часы: 16.30 — волна 11 800 * килоциклов, 17.00 — 7900, 24.00 — 7900, 24.30 — 6750 кГц.

Ром имел и инструкции по обеспечению радиосвязи с агентурой. В одной из них говорилось: «Радиостанция «Азад Хиндустан» передает, например: «агент номер ... (указывает его номер) обязан, как можно скорее, прислать донесение». Номер, названный радиостанцией, должен быть приставлен к присвоенному до этого каждому агенту номеру. Образовавшееся число и будет новым действующим номером номера для последующих передач радиостанции». Такой порядок должен был надежно защитить радиообмен от расшифровки. Так бы оно и было, если бы ключи от шифров и кодов не имелись у Рома и не были бы известны Москве.

Между тем Рому пора было снова собираться в путь. Расмус заканчивал последний инструктаж. Он добавил к ранее данным поручениям еще одно, которое считал особо важным: Рому вменялось в обязанность «выявлять советскую и американскую агентуру в Индии». Кроме того, Рому было сообщено, что германские и японские диверсанты после высадки с подводных лодок в пунктах на индийском побережье будут выходить на связи с организациями Рома, пользуясь паролем «Сильвер Мун» («Серебряная Луна»). В заключение Расмус выложил на стол деньги: 700 фунтов стерлингов золотом, 5 000 афгани, 5 000 индийских рупий. Через некоторое время к этому добавилось 10 000 долларов.

TOP SECRET

Copies of messages sent from Silver and the Committee of the MARY - TOM link. .

Sent on 21/22.6.44

Having talked to Tribal comrades and examined situation here reached to the conclusion that it is not possible to carry out the plan without taking Committee in confidence to use her resources. Landing of the plane is not possible in Tribe on account of local situation as I told Zambulla. Parachute landing is essential. Please permit to use committee. Inform how many Indians and how many Germans will be in the party. If you send QTT before message operator will give message to me direct.
RBWGT.

Перехвачены передачи радиостанции «Серебряная луна», сделанные британской разведкой, благодаря переданным ей советской стороной шифрам Рома.

Эти средства отпускались Рому на антисоветскую деятельность в Индии. 30 марта 1943 года Ром сдал в Фонд обороны СССР большую часть полученных от немцев денег.

Прошло несколько месяцев. В июле 1943 года к Заману пришел доверенный человек Рома Касым («Санг»). В свое время Ром рекомендовал его Расмусу как надежного агента. Расмус с готовностью пользовался информацией и услугами своего нового сотрудника. Касым вручил Заману для передачи в Фонд обороны СССР 250 фунтов стерлингов золотом и 50 000 афгани, только что полученные от Расмуса...

Тем временем на сцене появилось новое действующее лицо – японский военный атташе в Кабуле Инуи. Он знал о Роме от Расмуса. Теперь настало время для Рома поработать и на японскую военную разведку. Бос уже переехал из Берлина в Токио. В боях на Малайском полуострове и в Бирме уже участвовали отряды созданной им «Индийской национальной армии». Казалось, что вторжение в Индию с востока становится неизбежным. В таких условиях деятельность Рома имела для Токио большее значение, чем для Берлина. Бос уже приказал своим сторонникам в Индии готовить, начиная с октября 1943 года, широкую волну саботажа и диверсий, а Рому дал знать, что у него появятся «новые друзья». Заман заметил по этому поводу: «агентурная разработка «Мародеры» вступает в новый этап».

С 4 по 8 сентября 1943 года Ром жил в доме Расмуса в Кабуле. В один из этих дней к ужину пришел корректный, хорошо одетый японец. «Знакомьтесь, – сказал Расмус, – это мой друг, господин Инуи. Он – военный атташе Японии в Кабуле. Господин Инуи хотел бы задать Вам несколько вопросов...».

Вопросов у Инуи было пятнадцать. Договорились, что ответы будут даны письменно. Инуи вежливо попрощался и ушел. Ром продолжал жить у Расмуса и готовиться к работе на новых хозяев. Ему предстояло стать тройным агентом. В начале сентября Москва, после получения отчета Рома о встрече с Инуи, санкционировала его работу на японцев.

Пребывание Рома у Расмуса закончилось. Был установлен порядок поддержания связи между Берлином, Кабулом и Дели, информирования японцев, работы в племенах. Как всегда, Расмус вручил Рому очередную сумму денег в фунтах, долларах и рупиях. Деньги, по просьбе Рома, Заман передал в Фонд обороны СССР. Возвращение Рома было намечено на начало следующего, 1944 года.

«ВСТРЕТИМСЯ НА АРТУНСКОМ МОСТУ...»

Между тем, Бос и японское командование уделяли все большее внимание подготовке вооруженных анти-английских акций в Индии. Бос дал своим сторонникам директиву, перехваченную советской разведкой, благодаря имевшимся у Рома шифрам. Бос писал (29 января 1944 года): «Наши отряды в Индии должны иметь в виду, что революция в Индии не должна начаться до тех пор, пока мы не форсируем Брамипутру и не направимся к Калькутте».

Здесь следует сказать, что отношение к Босу в Индии того времени было далеко не однозначным. Конечно, его военно-политического сотрудничества с Германией, а затем с Японией широкие слои индийской общественности не одобряли. Само развитие японской агрессии в Азии, жестокость, безжалостность по отношению к целым народам, а прежде всего оголтелый расизм японской военицины — все это содействовало ее саморазоблачению в глазах индусов, особенно чувствительных именно к проявлениям насилия и расизма. Но и то, и другое в глазах многих поколений связывалось прежде всего с британским колониальным гнетом. Не оказывая Босу прямой поддержки, многие в Индии с удовлетворением отмечали, что в поражениях надменных британцев в Малайе и Бирме внесли свою лепту и солдаты «Индийской национальной армии». Эти на-

строения были распространены и в Индийском национальном конгрессе. Вот что писал об этом Джавахарлал Неру:

«История «Индийской национальной армии», сформированной в Бирме и Малайе в годы войны, внезапно распространилась по всей стране и вызвала повсюду сильнейший энтузиазм. Когда несколько ее офицеров были преданы суду военного трибунала, это наэлектризовало всю страну больше, чем какое-либо другое событие. Они стали символом Индии, борющейся за свою свободу. Они стали также символом единства различных религиозных групп Индии, ибо в этой армии были представлены и индусы, и мусульмане, и сикхи, и христиане. Они сумели разрешить для себя религиозно-общинную проблему, почему же и нам этого не сделать?»⁹

Сам Ч. Бос поручил Рому передать послание М. Ганди, который, кстати, отнюдь не сразу согласился с решением руководства Индийского национального конгресса поддержать военные усилия Британии, ее союзников после начала второй мировой войны. Был период, когда ИНК в этом вопросе фактически разошелся со своим «отцом-основателем». В послании Боса говорилось: индийцы стоят перед альтернативой – сотрудничество со странами оси, или – постоянное рабство, дальнейшее сохранение британского колониального ига. Но есть и еще одна причина, – указывал Бос, – почему надо бороться против Британии. В случае своей победы, «англичане после войны создали бы Пакистан, что означает гибель индийской национальной идеи». Вот чего боялся Бос и из чего он исходил в собственной политике.

В радиовещании Берлина на Индию также делался упор на «сходство» интересов стран оси и индийцев: «Эти интересы», – подчеркивалось в одной из типичных передач, – «направлены против британского империализма, поэтому мы должны, объединившись, совместно вести эту борьбу».

Ром зимой 1943 года и весной 1944 года работал в Индии, регулярно перегоняя в Токио и Берлин зашифрованную дезинформацию. Впрочем, она была изготовлена так достоверно, что в обеих столицах ею оставались довольны. «Работали» и подпольные организации Ро-

ма: диверсионные группы, доставляемые в Индию самолетами или подводными лодками, попадали в засады, а затем в тюрьмы, а то и на эшафот. Пятсоро диверсантов, схваченных на месте с оружием и снаряжением, были повешены. Девять — пропали без вести, и Рому пришлось «успокаивать» Токио специальной дезинформацией на этот счет.

1 мая 1944 года Ром вернулся в Кабул. В качестве отчета о своей деятельности для германского и японского резидентов он привез объемистую дезинформацию, составленную при участии английской разведки, а также обстоятельную легенду о судьбе девяти японских агентов в Индии. Его ждали с нетерпением. Немцы в этот раз не ставили перед Ромом крупных военно-политических проблем: Германия была уже не в том положении, когда могла замахиваться на отдаленные регионы. Переговоры с Ромом вел Витцель, уже выдворенный к тому времени из Кабула и находившийся в Берлине. Связь с ним из Кабула осуществлял шифровальщик Цугенбюллер. Витцель интересовался одним: как бы организовать в Индии радиостанцию для связи с оккупированной японцами Бирмой. Он поставил вопрос о подготовке к собственному нелегальному приезду в Ин-

Сов.секретно / Перевод с английского

Москва, 26 июня 1943 г.

Я только что получил из Лондона два интересных сообщения относительно деятельности Иххагат Рама в Индии.

Первое — это письмо от Иххагат Рама немцам в котором — подробный доклад Комитета в Индии, последний номер «Кабула».

Мне бы хотелось обратить Ваше внимание на следующие моменты:

а/ Оба документа — без дат.

б/ Правписание — то же, что и в подлиннике.

в/ В письме упоминается «Иххагат Рама», хотя, Ром, как, конечно, упоминает Рахмат Удда; это я сделал ради удобства.

/Перев. 30.6.1943/

Британское разведсообщение о деятельности Рома.

MOST SECRET.

FROM: Colonel G.A.Hill, D.S.O.,

TO: Colonel Ossipov.

Moscow, 11th. December, 1943.

Dear Colonel Ossipov,

With reference to my letter of November 18th, 1943 concerning the possible visit to Moscow of the Director of Intelligence (India); Delhi explain the delay in their reply by the fact that the Director was in transit.

Delhi has now been able to consult him, and his views are as follows:-

1. He considers it desirable that discussions should take place on general matters of common interest, but for agenda purposes he puts forward the following main headings:-

2. (a) The future handling of the Phagat Ram case, with a view to the elimination in future of the delays which have occurred in the past.
- (b) The improvement of liaison between your organization and the British organization in India on the subject of Asiatic intelligence matters.

I reiterate what I have said and written to you - that in my opinion and in view of the decisions reached at the Moscow and Tehran Conferences, such a visit is most desirable for the furthering of British-Soviet aims.

Yours

G.A. Hill

Colonel.

Документ, относящийся к сотрудничеству
советской и британской разведок в связи с деятельностью Рома.

дию для устройства радиостанции. Речь шла о приеме специального самолета с американскими опознавательными знаками, который доставит Витцеля и его сотрудников примерно через месяц после очередного отъезда Рома из Кабула.

Точкой приземления намечалась долина в районе Баджаура, время прилета – три часа утра. К назначенному дню Ром должен был подготовить в избранном месте 2000 галлонов авиабензина, индусскую одежду для четырех человек, наметить два маршрута вглубь Индии, собрать 10 человек для выгрузки самолета. За два дня до вылета радиостанция «Азад Индустан» передаст условленную фразу: «50 А.М. Бенгалия, два дня». Накануне вылета – «50 А.Л. Ассам, один день». После этого состоится пробный полет, за ним – основной. В заключение Витцель радировал: «Жду от Вас, моего старого и испытанного друга, откровенного ответа».

Ром посоветовался, как всегда, с Заманом. Было решено – для удобства захвата группы Витцеля – рекомендовать другой район в Бихаре. Но Витцель подтвердил, что садиться будет только в Баджауре, и дал адрес конспиративной квартиры в Дели, на которую явится после прилета. Надежный сотрудник Рома должен был ждать его в доме на «16 куинсвей роад». Явившийся по этому адресу человек называет пароль: «Я приехал из Калькутты». После этого пришедший произносит еще одну парольную фразу: «Я хочу видеть Кишана Чанда». Только тогда Витцеля проведут к Рому, а если его не будет в тот момент в Дели, то к его «доверенному лицу» Шантимуру Хату.

Когда все детали, касающиеся прилета Витцеля, были обговорены, немцы предложили Рому новую встречу, на сей раз с участием японцев. 14 мая 1944 года около Рома, ожидавшего в условленном месте, остановилась машина с опознавательными знаками японского посольства. Немецкую сторону представлял шифровальщик Цугенбюллер, японскую – Инуи, его сотрудник и японка, оставшаяся в машине. Беседы шли отдельно. Сначала из машины вышел Цугенбюллер, который сообщил, что самолет с Витцелем прибывает до 15 июня и Ром должен пользоваться для связи новыми зашифро-

ванными парольными словами: «летающая лодка» и «зашифрованный цветок риса». Затем Цугенбюллер вручил Рому пакет с 150 000 афгани и, сказав: «Остальное привезет Витцель», — сел в машину. Наступила очередь Инуи.

Но Ром решил перехватить инициативу. Не дожидаясь вопроса японца, он спросил первым: «Читали ли Вы мой отчет?»

Инуи ответил: «Да, конечно, он мне очень понравился». И тут же предложил продолжить разговор на следующий день на этом же месте. Видимо, немец его скомовывал. Когда встретились снова, то Инуи поручил Рому добыть ряд сведений о военном производстве в Индии, о том, как ведется работа антианглийских сил сопротивления организации Боса и, главное, подготовить новые конспиративные квартиры. Ром рискнул назвать адреса тех, которые готовились для Витцеля, видимо, решив, что кто-то все равно попадет на этих явках — будь то немец, или японец — неважно! Далее разговор зашел об организации новых радиостанций для связи с японской агентурой. Было условлено, что если токийская радиостанция или «Азад Хиндустан» передадут фразу «40/И/2 Бомбей на три дня, Дели», то Ром поймет, что японцы вызывают его в Кабул на переговоры по этому вопросу. В заключение Инуи вручил Рому 100 000 афгани. Полученные от немецких и японских партнеров средства были опять-таки перечислены в Фонд обороны СССР. Здесь следует подчеркнуть, что Заман неизменно отказывался от этих денег, просил Рома оставить себе любую их часть, если уж он отказывается взять их целиком, и в эту встречу Заман предлагал ему хотя бы 5000 фунтов из ранее переданных ему Ромом, но тот твердо стоял на своем. Добавил лишь, что, следуя через зону племен, он получит от доверенного лица 150 000 афгани, оставленных там ранее. Ром сообщил, что дальнейшие встречи с немцами будут происходить по воскресеньям, вторникам и четвергам в 13 часов 15 минут на мосту у мечети «До Шамшире», а с японцами — там же, по понедельникам и средам в 13 часов.

Заман предупредил Рома, что на следующую встречу вместо него может прийти другой советский сотрудник, которого Ром не знает. Встречу назначили на Ар-тунском мосту через речку Кабул, тонким ручейком змеящуюся летом и бурным потоком бегущую весной, у здания старого завода «Машин-хона» (что в переводе означает буквально «машинный дом»). Для удобства опознавания Ром должен иметь на правой руке желтую повязку. После контрольного контакта вечером того же дня на Алиабадской дороге должна состояться встреча с советским сотрудником, который прибудет на машине. Чтобы лучше было видно из машины, Ром или его представитель должен периодически проводить рукой по затылку.

Это была их последняя встреча. Больше они не виделись. Ром продолжал и далее играть избранную во имя свободы Индии роль «тройного агента». Замана же отзывали в Москву. Его миссия в Кабуле закончилась. Здесь пора сказать о нем несколько слов, которые он, безусловно, заслужил.

Под псевдонимом Заман действовал советский разведчик Михаил Андреевич Аллахвердов (1900 – 1968). Разведке он отдал 50 из своих 68 лет. Был глубоким и тонким знатоком Востока. С его деятельностью связан целый ряд искусно проведенных в разных странах операций. Генерал-майор КГБ. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. О нем никогда ничего не публиковалось, если не считать официального некролога в «Красной звезде», а теперь вот этой документальной повести.

«ЯЗУЧИ»

Архивные документы по делу «Мародсров» относительно скупо освещают деятельность германской резидентуры против среднеазиатских республик СССР в военные годы. Видимо, тому есть несколько объяснений.

Во-первых, Расмус и его коллеги могли действовать к северу от Аму-Дарьи только через местное население или через узбекскую, таджикскую, туркменскую эмиграцию в Афганистане. Но на эти слои они прямо не выходили, прежде всего — по незнанию языков, на которых говорили народы по обе стороны пограничной реки. Кроме того, афганские власти, соблюдая обязательства по советско-афганским договорам и соглашениям, не допускали сколько-нибудь широкой антисоветской деятельности на пограничной с СССР территории Афганистана. Наконец, Расмус был уверен, что имеет свой канал влияния на антисоветски настроенную часть эмигрантов из среднеазиатских республик, проживавших в Афганистане. Таких людей, осевших к югу от Аму-Дарьи, было немало. Их родители и они сами участвовали в басмаческом движении 20-х и 30-х годов или сочувствовали ему. Они были готовы действовать, когда Германия напала на Советский Союз. Вовлечь их в активную диверсионно-террористическую деятельность против СССР как раз и должна была германская резидентура в Кабуле.

Дело было поручено ближайшему сотруднику Расмуса — кадровому разведчику Витцелю. Пильгер свидетельствует: в своих телеграммах в Берлин Витцель «запрашивал всевозможные санкции как на вербовку, так и на переброску лиц на территорию СССР с указанием пунктов, куда будет переброшена агентура, устанавливал для агентуры персправочные пункты на границах Афганистана с СССР, время явок и пароли».

При этом немцы использовали одно обстоятельство, о котором шифровальщик Цугенбюллер рассказывал так: «Нсмсцкая разведка решила прибегнуть к помощи эмигрантов после того, как узнала, что англичане, щедро оплачивавшие до этого работу эмигрантов против Советского Союза, прекратили им выплату денег. После этого эмигранты сами обратились к нам с предложением своих услуг».

Канал для выхода на эмигрантов у Расмуса был. Он полагался на богатого и влиятельного узбека, который имел большой вес в среде среднеазиатской эмигра-

ции в Афганистане. Это был Сеид Акбар Хан Махмудбек, который слыл антисоветчиком и еще с довоенных времен сотрудничал с абвером через германского военного инструктора, служившего в Афганистане, майора Шенка. Махмудбек свободно владел немецким, что было еще одним его достоинством в глазах Расмуса и Шенка, у которого он служил переводчиком.

Убедившись в надежности Махмудбека, Расмус поручил ему возглавить всю работу среди антисоветской эмиграции в Афганистане и организовать каналы ее связи с республиками Средней Азии, а также окпна на афганско-советской границе для засылки агентуры на территорию СССР. Так во всяком случае говорил о Махмудбеке сам Расмус. Рому он похвастался, что после 22 июня 1941 года именно по этому каналу он перебросил в советскую Среднюю Азию шесть диверсантов с рацией. В апреле 1943 года были подготовлены еще две диверсионные группы для вывода из строя железной дороги в районе Ашхабада. В ноябре 1941 года Расмус поставил перед Махмудбеком, помимо ведения диверсионной деятельности, еще и такие задачи, как выявление единомышленников из местного населения в советской Средней Азии; распространение пораженческих слухов, в частности — о скором захвате немцами Кавказа и их вторжении в среднеазиатские республики; сбор сведений о советских войсках в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, о настроениях населения, особенно — эвакуированных из западных областей СССР, и т.д.

Эти и другие важные сведения сразу же поступали в советское посольство в Кабуле Заману. Советская разведка имела надежные источники информации. Самым ценным из них был «Язучи». Благодаря ему диверсионные группы своевременно засекались и обезвреживались, а то, что говорили и делали Расмус и его сотрудники, становилось сразу же достоянием Замана. Советская сторона успевала принять контрмеры. Вспоминная постигшие германскую резидентуру неудачи, Цугенбюллер, уже в Москве, в Бутырской тюрьме, отмечал, что не только на советской территории, но и в самом Афганистане наиболее близкие к немцам афган-

ские подданные разоблачались советским посольством перед афганскими властями как шпионы и попадали в тюрьму. Так, в 1942 году были арестованы врач и владелец трикотажного предприятия Хаджи Абду Субхан-хан, полковник Якуб-хан Сокут, бывший губернатор провинции Лагар Мамад Гасан-хан и многие другие. В 1943 году на скамью подсудимых попало все руководство прогитлеровского «Союза молодого Туркестана» — более 40 человек, уличенных в сотрудничестве с германской разведкой. Среди них был сын бывшего эмира Бухары. Младотуркестанские главари письменно просили Расмуса выделить им на деятельность против СССР полтора-два миллиона афгани. Так как письмо с таким откровением было написано на языке дари, то Расмус дал его Рому для перевода, а Ром отнес Заману, который в переводчике не нуждался. Буквально на следующий день афганские власти произвели аресты незадачливых «младотуркестанцев», а Расмусу оставалось только гадать, как же все это могло произойти.

За решетку попал и Курширмат — узбек, который под псевдонимом «Ханза» обслуживал германскую резидентуру наряду с Язучи. Этот Ханза был гордостью германской резидентуры — он был завербован, когда работал секретарем в канцелярии премьер-министра. Расмус выделил для связи с ним самого Витцеля, который встречался с Ханзой в его доме и только в ночное время. Через посредничество Ханзы были завербованы влиятельные и осведомленные люди, такие, как Абдул Саттар Бай («Неу»), Маули Абдул Рауф («БМЗ»)*, Абдул Ахат («Хоре»), Казиль Аяж («Мерседес»), Джилай Бей («Виктория»), Мулла Клыч и другие, входившие в германскую агентурную сеть на севере Афганистана.

Впоследствии, уже в Москве, Пильгер рассказывал:

«Вся эта немецкая резидентура проживала в северных пограничных районах и была связана с Витцелем через нашего агента Ханза. Был установлен пароль. Для всех связников, являвшихся от имени Ханзы и обратно, паролем являлось персидское слово «хатеф» (вестник). При произнесении этого слова связник должен был

* «Баварский моторный завод» — авт.

прикоснуться к тому, к кому обращался, с правой стороны туловища большим и указательным пальцем правой руки. Эти люди вели самостоятельную агентурно-разведывательную работу против СССР, а вся система, построенная вокруг Ханзы, называлась «Унион», — заключил Пильгер.

Такие признания бывшего германского посла вызвали дополнительные вопросы следователя. Тогда Пильгер рассказал о деятельности Ханзы подробнее. Он вспомнил, что тот был «в очень близкой связи с бывшим бухарским эмиром, который одновременно являлся руководителем тайной антисоветской организации «Лига». Задачей этой организации было возвращение эмира на трон в Бухаре. Но Ханза выполнял и другое задание. Помимо сбора и передачи разведданных и ведения диверсионной деятельности на территории СССР, он, по словам Пильгера, «вел подготовку, на случай вступления немецких войск в Афганистан, к переходу их с помощью организации «Унион» по безопасному пути в Туркестан».

Ханза выступал и как своего рода «гауляйтер» северного Афганистана. Он установил связи в пограничных районах Вахан, Кундуз, Андхой, Мазар, Мейменэ и других со своими резидентами, именовавшимися условно «унтерфюрерами», которые руководили местными антисоветскими группами организации «Унион». Пильгер особенно ценил в Ханзе то, что свои задания он выполнял совершенно самостоятельно после того, как получал их от Витцеля — ведь тот не знал ни северного Афганистана, ни населения, которое там живет, ни проживающих там эмигрантов.

Ханза был связан и с лидерами туркменских эмигрантских националистических организаций за пределами Афганистана — в Турции (Баалбек) и даже в Токио (Кази Абдул Рашид). Всё это немцы оценивали соответственно. Лишь в январе 1943 года Ханза получил от них одновременно 100 000 афгани и затем в течение шести месяцев подряд получал крупные суммы.

Некоторые из созданных Ханзой организаций были довольно многочисленными. Один из «унтерфюреров» — Казил Аяк из Андхоя — похвалялся, что подгото-

вил для нападения на СССР 80 000 человек, из которых 40 000 имели ружья. Конечно, эту цифру нельзя считать вполне достоверной, но в любом случае немцам в пору пика их военных успехов удалось развернуть относительно активную деятельность против СССР в северных провинциях Афганистана. Вот почему провал Ханзы являлся для них чувствительной, можно даже сказать, невосполнимой потерей, после которой, по словам Пильгера, вся работа против СССР на севере Афганистана попросту свернулась.

На этом «погорел» и сам Витцель. Уличенный в грубом нарушении дипломатического статуса, вмешательстве во внутренние дела Афганистана и попытках подрыва его нейтралитета, он был вскоре после ареста Ханзы объявлен персоной нон грата и выдворен из страны в том же 1943 году. Это было как раз «следствием его попыток использовать эмигрантов – узбеков, туркмен и других в разведывательных целях против Советского Союза», – свидетельствует хорошо знавший все это Цугенбюллер.

Разоблачение Ханзы, его агентуры, самого Витцеля, а в немалой степени и Расмуса, было бы невозможно без деятельности Язучи. Он был смелым человеком. Ведь не раз тень подозрения Расмуса падала на него. Ром еще в марте 1942 года рассказывал Заману: «Расмус по секрету сообщил мне, что, по сведениям японской резидентуры в Кабуле, Язучи ненадежен, так как подозревается в сотрудничестве с русскими».

Заман, конечно, предостерег Язучи и в конце-концов сумел обеспечить его безопасность, а с ней – и возможность продолжать опасную, но необходимую работу. Осведомленность Язучи была поистине беспредельной. Он знал все, о чем Пильгер, Расмус и Витцель говорили с Сеидом Акбар Ханом Махмудбеком, который был главным доверенным лицом немцев в среде среднеазиатской эмиграции. Он знал все, что знал Махмудбек. И неудивительно: ведь Сеид Акбар Хан Махмудбек и был агентом советской разведки под псевдонимом Язучи...

Для разведчика самое скверное – когда он расшифрован, раскрыт, все его действия под контролем противника, а сам он этого не знает и думает, что все идет нормально. Именно в таком положении оказались «мародеры» в Афганистане. Навсрное, Расмус, Витцель, Вилерт, Цугенбуллер и их коллеги время от времени испытывали беспокойство и тревогу, когда противником захватывались их агенты или когда «утекала» информация о том или ином их плане. Но судя по характеру их текущей работы, манере поведения, методам и масштабам вложения средств в агентов и операции, анализу входящей и исходящей информации и выводам из нее, – полного отчета о своем положении они себе не отдавали.

Такое положение в общем устраивало советский Центр. Советская разведка контролировала всю работу германской резидентуры по Афганистану, Индии и советским приграничным районам, была в курсе всего и знала практически все.

Однако в середине 1943 года, когда коренной перелом в войне был уже прочно закреплен и дальнейшее развитие событий стало необратимым, в Центре возник новый вариант использования возможностей по делу «Мародеры». Начальник советской внешней разведки П. Фитин предложил наркому госбезопасности СССР Меркулову воспользоваться тем, что фактически немецкая резидентура в Кабуле, не ведая того, стала обслуживать своей информацией, деньгами и деятельностью советскую разведку – ведь именно она получала все это от группы Расмуса. А сам Расмус, оказавшись невольной в положении источника для советской разведки, попал бы, в случае, если все это станет известным, в крайне опасное и уязвимое положение перед собственным начальством в Берлине. Поэтому Фитин предложил Меркулову попытаться завербовать Расмуса на месте, в Кабуле, «используя бесспорные материалы о провале его работы на Индию и Среднюю Азию».

Согласие было получено. Решение принято. План операции по вербовке составлен и утвержден. Для Расмуса наступил час испытания.

Как все это происходило?

Сначала требовалось найти человека, которого знали бы Пильгер и Расмус, которому они доверяли настолько, что приглашение посетить его дом выглядело бы естественным и приемлемым. Такой человек был. «Акционер» — чех по происхождению и человек умеренных взглядов, далеских от симпатий к фашизму, согласился пригласить Расмуса к себе. До этого он не раз бывал в гостях у немцев, где его принимали радушно, поскольку испытывали понятный, в условиях места и времени, дефицит общения. В то же время «Акционер» был достаточно хорошо и давно известен советской стороне, бывал в советском посольстве, знал Замана, а тот — его.

Решено: Акционер приглашает «Магистра» (Расмуса — *авт.*) к себе домой. Туда заранее придут Заман и «Петр» — полковник госбезопасности Коротков, представитель Центра. Они и проведут разговор. Но ... Акционер испугался. Заколебался. Уклонился от ранее достигнутой договоренности и был исключен из игры. Предстояло все начинать сначала.

Выручил человек, имевший псевдоним «Марс», швейцарец по национальности, застигнутый в Кабуле войной. Он согласился пригласить Расмуса к себе. Расмусу он сказал: «Здесь, в Кабуле, находится американец немецкого происхождения, который прибыл из Индии специально для личной встречи с Вами. Он привез информацию, которую передаст только Вам».

Расмус колебался. Интуиция разведчика все-таки у него была, и что-то его останавливало. Уже согласившись, он несколько раз переносил встречу. Нервничал. Просил предварительно прислать информацию в письменном виде. Но «американец немецкого происхождения» упорствовал. Писать отказался. Настаивал. Напоминал, что личная встреча соответствует интересам III рейха. Наконец встреча состоялась.

Это произошло 24 октября 1943 года на квартире Марса. Заман и его сотрудник «Парс», а также предста-

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Ц И Д Ъ Г Е Р А Ганс Адольф Гесс

от 18 сентября 1941 года

ШИЛТЕР Г.А., 1896 года рождения, по национальности немец. Уроженец Германии г. Мюльха, в действ. об-разован. Гесс, член СС, членской партии с 1937 года, бывший директор германского посольства в Афганистане с 1937 года до момента выезда из Германии перед сожжением.

Вопрос: С какого времени вы состояли посольником в Афганистане?

Ответ: На посту германского посольника в Афганистане я находился с 17-го августа 1937 года, до момента капитуляции Германии перед союзниками.

Вопрос: Следовательно, возглавляя в течение нескольких лет германскую миссию в Афганистане, вы были лично ориентированы в политике, проводившейся фашистской Германией в Афганистане против союзников т. как сами из активных проводников этой политики, несете полную ответственность.

Ответ: Да, безусловно.

Вопрос: В чем конкретно выразилась политическая линия германской миссии против союзников?

Ответ: До начала войны с Англией, т.е. до сентября 1939 года германское правительство ставило перед дипломатической миссией задачу - использовать все возможности для укрепления экономических позиций Германии в Афганистане. Позднее же, в период войны, германская миссия

вообще было поглощено экономическим кризисом, а не англичан. Кроме того, в СССР в настоящее время нет ни одного, профессионального пропагандиста, который мог бы быть полезен, особенно тогда, когда в СССР идет борьба с Сельскохозяйственным Союзом. В эту борьбу в СССР вмешиваются англичане широко используя свои возможности. Поэтому в СССР необходимо в этой борьбе использовать все, что можно, особенно передовых людей, которые могут быть использованы "Трудовой Союз".

Вопрос: Каким образом можно распространить в СССР пропаганду немецкой истории в Кабуле?

Ответ: Неоднократно министерство иностранных дел Афганистана предупреждало немцев, что они не могут рассчитывать на оспаривание объема пропаганды, которую, в свою очередь, осуществляют представители министерства иностранных дел СССР, на то, что английская пресса и радио также ведут пропаганду в интересах своей государственности и что германская пресса в этом отношении должна находиться в сбалансированном состоянии. Вопрос: Каким образом можно распространить пропаганду в Кабуле?

Вопрос: Через кого непосредственно можно установить связь с местной афганской прессой по вопросу о распространении в газетных различных статей и материалов, особенно из агентства "Трудовой Союз".

Ответ: С редакциями афганских газет и журналов связи не поддерживались по вопросу распространения пропаганды, а поддерживались контакты с редакциями, в том числе политического отдела министерства иностранных дел Афганистана-Наджибул-Хакима.

Вопрос: В чем выразился контакт дипломатического представительства стран оси в Кабуле (японцев, итальянцев и немцев)?

витель Центра Пстр прибыли заранее. Другой сотрудник Замана — «Намаз» — осуществлял наружное наблюдение за домом. Незадолго до встречи он обнаружил европейца, также наблюдавшего за этим домом.

Вошел Расмус. Петр поднялся ему навстречу. «Представитель советской разведки полковник Михайлов», — отрекомендовался он. В этот момент в комнату вошел и представился Заман. Парс оставался в другой комнате вместе с хозяином квартиры.

— «Прежде всего, ознакомьтесь с этими уликами *», — сказал Пстр. — «Вдумайтесь. Спокойно и серьезно оцените обстановку и свое положение. Видите: вот документы на деньги, которые благодаря Вашей неосторожности и ошибкам поступили в Фонд обороны СССР. Вот рации. Вот шифры и коды, благодаря которым расшифрованы все Ваши радиообмены с Берлином и Дели. Это тоже результат Ваших просчетов. Поймите, ошибиться может каждый. Но если из-за Ваших ошибок и просчетов вся Ваша работа оказалась использованной в наших интересах, то это уже хуже чем ошибка. Это фактически измсла. Это прямая помощь врагам Германии. И эту помощь мы объективно и регулярно получали от Вас все это время. Мы можем разоблачить Вас перед Берлином, переслать туда подлинные документы. Ваше руководство не простит Вам этого никогда».

«Теперь взгляните на это дело с другой стороны», — продолжал Пстр, — «Германия уже проигрывает войну и вскоре ее несминуемо проиграет. Вам, даже если Вас помилуют в Берлине, предстоит предстать перед судом победителей за Вашу шпионскую деятельность против союзников. Обдумайте все это. На основании того, что Вы увидели и слышали, мы предлагаем Вам единственный вывод. Сотрудничайте с нами. Взамен

В качестве вещественных доказательств фигурировали: инструкции по связи с немецкими радиостанциями в Кабуле, Берлине, Советском Туркестане, Дели; задания германского генштаба по ведению подрывной работы в Индии; рецепты изготовления взрывчатых веществ; 10 051 фунтов стерлингов банкнотами и 300 золотых фунтов; 100 000 афган; две радиостанции чемоданного типа и др.

мы гарантируем нашу искреннюю дружбу и почетное место в послевоенной Германии.»

Расмус был крайне взволнован и подавлен. Не мог говорить.

Воцарилось молчание. Наконец, он поднял голову и сказал:

— «Я всего лишь торговый представитель своей страны. Я не занимался шпионажем. Но, признаюсь, отдельные документы из тех, что мне предъявлены, имеют действительно существенное значение. Этого я не могу отрицать»...

Тогда ему было сказано, что ряд пленных немецких генералов, находящихся в Советском Союзе, уже сделали свой выбор. Эти генералы порвали с Гитлером и фашизмом и начали открытую борьбу против него. Расмус заколебался. Было видно, что подобная информация затронула его. Многих генералов он знал лично.

— То, что Вы сейчас сообщили, является для меня серьезным основанием, чтобы подумать о сотрудничестве с Вами, — медленно произнес он. — Но все равно, сейчас решить этот вопрос я не могу. Не в состоянии. Поймите, что я должен подумать. Дайте мне немного времени на размышление. Я пришлю ответ письменно, так будет лучше. Хозяин квартиры возьмет у меня письмо и вручит вам.

— Нет, Расмус. Категорически — нет. Ответ Вы дадите сами. Лично. Здесь!

— Хорошо, — устало сказал Расмус. — Я сделаю это. Приду. Я обещаю. Послезавтра.

На этом встреча завершилась. Наступило 26-е. Расмус не явился. Первое ноября. Марс пришел к Расмусу на дом. Тот казался больным и к гостю не вышел. Марс передал ультиматум: если в течение пяти дней Расмус не даст согласия на сотрудничество, компрометирующие его документы будут направлены в Берлин. Расмус не ответил. Из дому не выходил. А через несколько дней тайно покинул Кабул. На афгано-индийской границе его встретил офицер английской разведки, который сопровождал его от Пешавара до Карачи. По дороге Расмус все время выговаривал англичанину, что, мол, Англия «продалась большевикам», и теперь гибель

грозит и немцам, и англичанам, и всей Европе. В Карачи Расмус сел на пароход нейтральной страны и добрался кружным путем до Берлина. Оттуда он дал еще несколько радиogramм Рому, которого по-прежнему числил своим человеком и хотел предостеречь от «предательства», жертвой которого стал сам.

Расмуса искали в Германии после ее капитуляции. СМЕРШ делал все возможное. Но среди интернированных, военнопленных, убитых и раненых, среди военных и гражданских совершеннолетних лиц во всех оккупированных зонах Германии и Австрии его не нашли. Быть может, гестапо успело отомстить незадачливому разведчику...

Впрочем, не исключается и другая версия. Ведь англичане были врагами Расмуса, и офицер английской разведки должен был бы препроводить гитлеровского резидента «куда следует», как минимум – интернировать его. Но этого не произошло. Расмус путешествовал по Индии комфортно, в сопровождении британского коллеги. Это могло объясняться только одним – достаточно высокой степенью заинтересованности англичан в сохранении и развитии контактов с ним. Не случилось ли так, что именно «Интеллидженс сервис» помогал Расмусу «раствориться» в послевоенной Германии, а может быть, и за ее пределами?

Но что же делал Расмус, когда вынел из дома Марса? С помощью опроса задержанных после войны его коллег и расшифровки радиogramм германского посольства в Кабуле удалось установить следующее.

Расмус размышлял недолго. Он решил отклонить предложение «полковника Михайлова». Вернувшись в посольство, он рассказал Пильгеру о встрече с представителями советского Центра. Но рассказал далеко не все. Расмус скрыл от посла свой провал, а проинформировал только о том, что советский разведчик признал в нем немецкого резидента (о чем в Кабуле мало кто не знал – *авт.*) и интересовался, главным образом, характером связей немцев с Рахмат-ханом (т.е. Ромом). 25 сентября, т.е. на следующий день, Пильгер дал телеграмму в Берлин, где Расмуса все-таки заподозрили. Так, по крайней мере, утверждал Цуденбюллер. Он гово-

рил: «Расмус был откомандирован в Германию в связи с наличием у немецкой разведки подозрений о том, что он является агентом русских».

«Это подозрение возникло после свидания Расмуса с русским полковником в доме одного швейцарца, куда Расмус был вызван, видимо, самими же русскими», — рассказывал Цугенбюллер в Москве. Так что есть основания полагать, что исчез Расмус не случайно и, вероятно, еще до капитуляции Германии.

В том же 1943 году был выдворен из Кабула Витцель. За ним последовал Виллерт. Посол Пильгер остался с молодым, только что выпущенным из спецшколы абвера шифровальщиком Цугенбюллером, которому пришлось теперь де-факто оставаться за резидента, и еще с несколькими служащими посольства. Рутинная работа продолжалась, но неуклонно шла на убыль: Берлину было уже не до Кабула.

Основным было именно это. Даже если бы германская резидентура в Афганистане состояла из таких «суперменов» в разведке, она не смогла бы предотвратить своей деятельностью крах III рейха и всех его честолюбивых планов.

Но были и другие обстоятельства, предопределившие поражение «мародеров», даже если бы субъективно они были сильнее, чем группа Расмуса. Важнейшее из них подметил Кварони в беседе с Заманом в 1944 году. Он справедливо указывал на отсутствие у немецкой разведки «серьезной базы» в Афганистане. И это действительно было так. Афганцев отталкивал воинствующий расизм гитлеровского режима и общая манипулятивность германской политики в отношении Афганистана. Игра немцев на антианглийских настроениях афганцев — особенно племен — воспринималась, несмотря на немалое число исключений, в конечном счете именно как игра во имя собственных корыстных целей. Афганистану ничего хорошего не сулило наступление германских войск на Индию через его территорию. Чувствовалось, что Берлину Афганистан был важен не как таковой, а как разменная фигура на шахматной доске капризов и амбиций фюрера. Соответственным был и отклик афганцев, «ловивших и посылающих мячи» в

политической игре с Берлином, но остерегавшихся сближаться с ним. Да и пример Боса, сделавшего ставку на страны оси, не располагал к тому, чтобы сделать то же самое.

Хотя было бы несправедливо не отметить и того, что наши позиции были сильнее и объективно и субъективно. У советской политики в Афганистане вообще был солидный потенциал добрососедства и сотрудничества, неуклонно нараставший и обогащавшийся после третьей англо-афганской войны 1919 года, когда именно Советская Россия и только она оказала Афганистану действенную помощь, несмотря на собственные трудности той поры. Этот потенциал получил новые стимулы развития после подписания Договора между Россией и Афганистаном от 28 февраля 1921 года, который был дружественным и бессрочным. В инструкции советского правительства первому полпреду в Кабуле Ф.Ф. Раскольникову (составленной на основе соображений В.И. Ленина) говорилось:

«... Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самостоятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самостоятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития».¹⁰

Наши отношения с Афганистаном годами и десятилетиями соответствовали этой заповеди как по форме, так и по содержанию. Потенциал сотрудничества и дружбы наращивался год от года, его в той или иной мере ощущал каждый афганец и, когда началась Великая Отечественная война, то наши позиции в Афганистане, как показала история, выдержали испытания силой и мощью германского оружия даже тогда, когда оно казалось непобедимым.

Справедливость требует отметить еще одно. Наша разведка в Афганистане решительно превосходила и германскую, и итальянскую, и японскую. Это действительно так. В группе Замана не было людей, говоривших на языках Афганистана хуже, чем сами афганцы. Эти люди владели обстановкой, знали и любили афганскую культуру и историю, уважали обычаи и традиции, точно и незаметно вписывались в причудливый, неповторимый афганский колорит, но главное – пользовались морально-политическим кредитом как представители страны, делавшей добро своему южному соседу. Афганцы уважали их, охотно, несмотря на всю свою сдержанность, делились с ними. Такого отношения, как к русским, к другим иностранцам не было. Без учета всего этого не понять того фона, на котором развертывалась борьба с «мародерами».

... 9 мая 1945 года афганские власти, на основании представления союзнических послов, опечатали кассу, сейфы и архив германской миссии в Кабуле. Пильгер, Цугенбюллер, Шмидт (врач посольства), второй шифровальщик Эгер – все, кто оставался из персонала миссии, – были доставлены в Москву, а после расследования – в Берлин, где были переданы в распоряжение Союзного Контрольного совета для Германии. Были опечатаны и отправлены в 9 ящиках 344 банки с документами посольства; 61794 долларов США, 3222 фунтов стерлингов, 10 999 индийских рупий, 251 140 афгани, 151 старинная монета.

Вскоре из Токио пришло известие о смерти Чандры Боса.

«Мародеры» вышли из игры. Навсегда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

2 октября 1979 года я прибыл в Афганистан в качестве одного из многочисленных тогда гражданских советников. Командировка оказалась длительной, и

лишь в конце августа 1987 года я вернулся домой. Почти восемь лет пролетели, как один день...

Очень часто приходилось слышать и там, а еще чаще – в Москве, по возвращении, что апрельская революция 1978 года в Афганистане – типичный, верхушечный военный путч, и ничего более. Тему эту я считаю сложной и никогда не стану утверждать безапелляционно что-либо подобное. Убежден, что все гораздо серьезнее.

Но, изучая документы о борьбе разведок в 1941 – 45 годах внутри нейтрального тогда Афганистана и за него, я наткнулся на интересное суждение итальянского посла в Кабуле Кварони, которое явно выходит за рамки минувшей войны и имеет отношение к оценке событий 27 апреля 1978 года и последующих.

Кварони говорил Заману: «не сторонники изгнанного эмира Амануллы составляют подлинную и наиболее серьезную оппозицию королевскому режиму Захир-шаха, а совсем другие люди». Кварони назвал их республиканцами, и это было верно. Просвещенные аристократы, подчас близкие ко двору, мелкое и среднее купечество, интеллигенты – вот кого отметил Кварони среди республиканцев. Они стремились не просто к смене династии, как амануллисты. Они стремились к прогрессу и культуре, хотели видеть Афганистан современной страной, с просвещенным строем и образованным населением. И связывали все это не с монархией, а с республикой, в рамках которой осуществляются необходимые реформы.

Здесь надо вспомнить, что школу «просвещенной монархии» в ее своеобразной афганской разновидности «республиканцы» проходили по крайней мере дважды за XX век. Первый раз это было при эмире Аманулле-хане, который предпринял меры по осовремениванию Афганистана, второй раз – при короле Захир-шахе, в разное время проводившем те или иные реформы. Очевидно, афганские интеллектуалы убедились в ограниченной способности монархов соединить страну с движением остального мира по пути естественного обновления экономических, социальных и политических структур. Ведь и родственник Захир-шаха Мухаммед

Дауд сверг в 1973 году короля и провозгласил республику во имя приобщения Афганистана к прогрессу, хотя и не преуспел в этом.

Иными словами, попытки осовременивания и обновления страны в XX веке в Афганистане предпринимались, считая и правление М. Дауда, три раза за время до 27 апреля 1978 года – в 20-х, 60-х и 70-х годах. Революция 27 апреля была четвертой попыткой. Пределы, возможности, результаты этой попытки, ее долгосрочные и, может быть, не вполне очевидные еще последствия – все это заслуживает специального, серьезного исследования.

Но даже в военные годы, когда, казалось, бушевавшая за пределами Афганистана мировая война вот-вот втянет и его в свой кровавый водоворот, в стране не прекращали думать о том, чтобы она не осталась островом отсталости и застоя в мире, яростно боровшемся за свободу и прогресс. Примечательной была реакция двора и правительства: одного из наиболее ярких «республиканцев» – министра почт и телеграфа Абдул Гусейна Азиза – вызвал к себе премьер-министр и сказал:

«Вам придется выбирать: вы посдете либо в тюрьму, либо – в Вашингтон».

Азиз, конечно выбрал Вашингтон, куда и посхал послом Афганистана. Многие из прогрессистов попали в тюрьмы, сломали карьеру, а то поплатились и жизнью, но не расстались с мечтой о приобщении Афганистана к прогрессу и XX веку. Кстати, психологически вхождение в XX век остается и сегодня проблемой: 21 марта 1992 года в Афганистане начинается очередной, 1371 год, и немало афганцев в кишлаках просто не ведают, что на дворе не XIV век, а XX.

Так что не все просто с сущностью и оценкой событий до и после 27 апреля 1978 года. Но это – особый сюжет. Я же хочу вспомнить добрым словом тех, кто успешно противостоял в Афганистане разведке стран оси, победа которых отбросила бы назад все человечество. Поистине прав В.О. Богомолов, избравший эпиграфом к своему роману «В августе 44-го» слова: «Немногим, которым обязаны очень многие».

ПРИМЕЧАНИЯ

к с. 12

¹ *Д. Неру*. Открытие Индии. Кн. 2. М., 1989. С. 226, 316, 233.

к с. 18

² *Дубинский И.В.* Прымаков В.М. М., ЖЭЛ. 1968. С. 176.

³ *Прымаков В.М.* Афганистан в огне. Л., 1929. С. 72 – 73.

к с. 19

⁴ *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988. С. 132.

к с.20

⁵ *Теплинский Л.Б.* Ук. соч. С. 140, 139, 134.

к с.25

⁶ *Теплинский Л.Б.* Ук. соч. С. 140, 139, 134.

к с. 26

⁷ «Народы Азии и Африки». 1965. № 2. С. 25.

к с. 49

⁸ *Прымаков В.М.* Афганистан в огне. Л., 1929. С. 62.

к с. 71

⁹ *Д. Неру*. Открытие Индии. Кн. 2. М., 1989. С. 479.

к с. 90

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М. С. 166 – 167.
Подробнее см.: *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988.

• • •

Иллюстрации с видами Афганистана двадцатых годов взяты из книги: *Прымаков В.М.* Афганистан в огне. Л., 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора: «Мародеры» вступают в игру	3
В Берлине, Москве, Кабуле.....	5
Рассказ Бхагата Рама.....	8
В гостях у Пильгера и Расмуса.....	10
«Мацотта» получает советскую визу.....	11
«Ром» становится «Рахмат-ханом»	14
«Хозяйство» герра Пильгера	19
Операция «Аманулла»	23
Их было не так уж мало	28
Беседа с «Дон Жуаном».....	34
«Мы выступим на вашей стороне, если...»	37
«Поймать мяч и вернуть обратно...».....	42
«Факир из Иппи».....	47
«Положите его в гроб...»	52
Награда фюрера	54
«Серебряная луна».....	58
«Встретимся на Аргунском мосту ...».....	70
«Язучи»	76
«Мародеры» выходят из игры.....	82
Послесловие.....	91
Примечания.....	94

Кузнец Юрий Львович

«МАРОДЕРЫ» ВЫХОДЯТ ИЗ ИГРЫ

Редактор *И. В. Смирнов*

Художник *А. А. Брантман*

Оператор *В. С. Мешкова*

Сдано в набор 21.11.91. Подписано в печать 15.02.92.

Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Объем 5,04 усл. печ. л.

Тираж 50 000 экз. Заказ 2696 С9.

Фирма «Интерпракс», Москва, 2-й Неглинный пер., 4.

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме

«Красный пролетарий» РГИИЦ «Республика»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

960

